

ЭКСПАНСИЯ

[ВЕЧНЫЙ]

ТОЧКА СИНГУЛЯРНОСТИ

Роман
ЗЛОТНИКОВ
Сергей
БУДЕЕВ

Мир Вечного

Роман Злотников

Вечный. Точка сингулярности

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Вечный. Точка сингулярности / Р. В. Злотников — «АСТ»,
2017 — (Мир Вечного)

ISBN 978-5-17-102210-5

Мир Вечного не имеет границ, он прекрасен и многогранен, но жесток и беспощаден к трусости, жадности и предательству. Этот Мир, лежащий под дланью Творца, передан в руки разумным, и теперь Он, наблюдая за тем, кто из них сможет стать достойным и рачительным хозяином его творения, не может оставаться безразличным к судьбам его героев. Однако, пути господни неисповедимы, и все могло бы обернуться совсем по-другому, если бы молодой офицер Детей Гнева, ученик Вечного, не шагнул за грань этой вселенной, не нашел новых друзей, не познакомился с Богом, не влюбился в прекрасную незнакомку и не заплатил за все это собственной жизнью.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102210-5

© Злотников Р. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. «Срочно, конфиденциально»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Роман Злотников, Сергей Будеев Вечный. Точка сингулярности

© Р. В. Злотников

© С. В. Будеев

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Предисловие

*«Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно! —
Вот последняя правда, открытая мной».*

Омар Хайям

«Папочка, дорогой, не забудь по дороге зайти к Суржу и забрать нашу крентурку». Сообщение на коммуникаторе, отправленное его любимой доченькой из четвертого помета, появилось как раз в тот момент, когда глайдер профессора только-только оторвался от поверхности площадки, расположенной рядом с лабораторией палеонейрофизиологии научного центра Граста и, утробно вибрируя, начал набирать высоту. Хронометр отсчитывал последний цикл декады оборота. Тащиться к болтуну Суржу, от которого просто так не уйдешь, а придется еще как минимум четверть цикла выслушивать всякую чушь о несостоятельности политики пленара текущего созыва, о безалаберности нового поколения рекателей и еще черт знает какую ерунду, не хотелось. У наа Ранка кололо в затылке, и он никак не мог отвлечься от только что прошедшей беседы с куратором научного центра, Могущественным зеленой трапеции Хранящим. Все его доводы в пользу продолжения работы над теорией переноса сознания как будто разбивались о невидимую стену, отделяющую его от мудрого наставника. Наа устал. Наа был зол на себя. На Хранящего. На всю эту административно-противную возню вокруг научного центра, которую на него навесили, как на самого влиятельного из кураторов, по мнению его коллег, сотрудника. Ведь он просто хотел заниматься любимым делом, работой, которой он посвятил без малого половину всей своей жизни, а ее завершение из-за всех этих нелепых недоразумений и суеты приходилось откладывать в дальний ящик. Время... то единственное, что имело для него смысл, то единственное, чего ему постоянно не хватало...

В его мире, который Могущественные не одно столетие «затачивали» под научную специализацию, процветали прикладные разработки. Двигаться же в направлении фундаментальных исследований не позволяли кураторы. Даже такая, казалось бы, мелочь, как история цивилизации сауо, хоть и не испытывала серьезных препятствий или недостатка в исследователях и аналитиках, но оставалась скорее темой узкого круга. По крайней мере, в той ее части, которая предшествовала приходу на планету самих Могущественных. Да, освоенная кураторами часть вселенной была доступной для всех высших рас, в ряду которых стояли и сауо, но и здесь были свои ограничения. Наа Ранк был в курсе того, что в звездных скоплениях галактического рукава Персея раса Могущественных столкнулась с цивилизацией «диких» и что эта цивилизация оказала носителям миссии Творца отчаянное и достойное его уважения сопротивление. Он даже был в курсе того (хотя это была уже конфиденциальная информация), что часть его соплеменников отказалась подчиняться Могущественным и присягнула на верность некоему полководцу «диких», которому удалось здорово потрепать его наставников. Как бишь там его называли кураторы? Ушедший После? Или нет, кажется, Пришедший После. Но ему это было безразлично. Его размеренная и строго регламентированная жизнь не претерпела в связи с этим никаких изменений.

Глайдер, закладывая очередной вираж над тихим лесным озером, неожиданно хрюкнул и пошел на снижение. Профессор, погруженный в печальные размышления, даже не сразу понял, что произошло. Но в тот самый момент, когда нижняя плоскость машины неиз-

бежно должна уже была зацепиться за верхушки деревьев, обступивших тихую водную гладь, какая-то ненаучная сила подхватила его и нежно усадила на песчаную отмель, отделяющую густой вечнозеленый лес от водного пространства водоема. Профессор, дрожа всем телом, с трудом оторвал руки от джойстика ручного управления и толкнул ногой пластиковую дверь кабины. Аварийные огни на плоскостях машины продолжали равномерно мигать, озаряя красными отблесками зеркально чистую воду, в которую погрузились опоры глайдера. Из-за этих отблесков, разрывающих обступившую профессора темноту, совершенно невозможно было разобрать, что происходит за пределами кабины. Профессор отключил питание аварийного освещения и стал ждать, пока глаза привыкнут к навалившемуся со всех сторон полумраку.

– Уважаемому наа требуется помощь?

Голос, прозвучавший из ниоткуда, был настолько спокоен и тверд, слова прозвучали так отчетливо, хотя и совершенно не громко.

– Кто вы? Как вы сюда попали?

Профессор передумал вылезать из кабины и инстинктивно даже постарался вжаться еще глубже в кресло, как будто это могло хоть как-то защитить его от происходящего за пределами глайдера.

– Меня зовут отец Нозль. Полагаю, вам это имя ни о чем не говорит. А попал я сюда, в общем, примерно так же, как и вы. Только мой транспорт вполне исправен. Может быть, вы представитесь, и если не сочтете это за бестактность, то я смею предложить вам добратся туда, куда вы торопились, но уже на моем глайдере? Он вполне осилит двух человек.

– Профессор наа Ранк, к вашим услугам, молодой человек. И, конечно, я буду вам очень признателен, если вы сможете мне помочь выбраться отсюда.

Глаза профессора привыкли к темноте, и он разглядел, наконец, стройную, укрытую длинным темных балахоном фигуру, спокойно стоящую на берегу шагах в десяти от него. Безотчетный страх отпустил горло уважаемого наа, и он, наконец, осмелился вывалить свое тело на сырой, холодный песок отмели.

Незнакомец имел странное, явно неместное телосложение – слишком короткую шею, длинные руки и толстые ноги. Похоже, он прибыл издалека и вряд ли имел отношение к представителям рас, входящих в состав иерархии Могущественных. Если только знания профессора по этому вопросу успели устареть.

– Профессор наа Ранк! Какая удача! Я совсем недавно прибыл в этот мир, но уже успел услышать так много лестного в адрес вашей научной деятельности...

Приятно, когда даже гости издалека дают вам столь лестную, а тем более совершенно неожиданную оценку. Наа Ранк, заметно осмелев, подошел вплотную к фигуре в темной одежде и приложил ладонь правой руки к своему левому плечу, давая тем самым понять новому знакомому, что ему приятно это знакомство.

– Интересная приставка к вашему имени, «отец», если мне память не изменяет, говорит о вашей причастности к оккультным сферам? Кажется, на Нирване так представляются жрецы местного божества. Извините, если я своим любопытством задеваю ваше самолюбие или другие тонкие материи вашего мировоззрения...

– Да бросьте, профессор. В конце концов, это просто имя. У меня есть и другие имена. Думаю, в вашем мире я могу быть более известен как Пришедший После...

Еще через полдекады полного оборота оба новых знакомых уже сидели у небольшого камина на мягких тюфяках перед изящным низким гостиним столиком и угощались подогретым компотом, приготовленным еще по рецепту прабабушки профессора из горьких ягод пьяного дерева. Голова профессора странным образом перестала болеть еще там, на озере, и вообще чувствовал он себя замечательно. Разогнав по спальным комнатам все свое многочисленное потомство, наа с наслаждением беседовал со своим гостем, который оказался

весьма сведущ в проблемах его теоретических изысканий, да и вообще проявлял неслыханную эрудицию по очень широкому кругу научных вопросов. За широким панорамным остеклением гостиной уже можно было разобрать первые признаки подступающего рассвета, когда приятный незнакомец, как показалось профессору, больше из чувства протокольного такта, чем по необходимости, предложил профессору завершить их беседу. Наа вызвался проводить его до посадочной площадки, укрытой зелеными зарослями растительности и находящейся в ста метрах от дома с противоположной стороны ухоженного сада. Конечно, он не мог не задать вопрос, куда направляется незнакомец и будет ли у них возможность продолжить эту приятную во всех отношениях беседу.

– Я должен как можно скорее вернуться домой. Меня ожидает удивительный образец устойчивой пространственно-временной флуктуации, исследовать которую выпадает шанс, может быть, только раз в бесконечной жизни вселенной. Впрочем, если вам, так же как и мне, интересен этот феномен, я с удовольствием разделю честь исследований с таким известным и, без всяких сомнений, выдающимся ученым, как вы, наа.

Что это было? Неосознанный порыв? Или терпкий теплый сок сделал свое дело? Глаза профессора загорелись, как у хищника, почуявшего запах свежего мяса. В голове с диким свистом пронеслись все годы его «заточения» в Грасте. А немного заплетающийся язык с трудом выговорил:

– А это далеко?

– Очень далеко. И... никаких Могущественных!

Глава 1. «Срочно, конфиденциально»

«Кто выиграл время, тот выиграл все».

Ж. Мольер

Всего год прошел после того, как Гриф окончил Нью-Оклахомский технологический университет, став дипломированным инженером-физиком, специалистом в области высоких энергий. В настоящее время инженерные профессии в энергетической сфере были востребованы не только на родной планете, но и вообще в конгломерате САК. Потому что практически все крупные производства конгломерата спешили провести апгрейд в этой сфере и перевести свои энергосистемы на оборудование седьмого поколения, что почти в два раза снижало затраты на их обслуживание и при этом сэкономило значительную часть потребляемого ресурса. Именно это и послужило причиной тому, что родители Грифа решили отдать своего одаренного в естественных науках ребенка на ставший модным и престижным факультет университета. Но сам факт наличия диплома с модной и востребованной специальностью еще ничего не решал. Молодой специалист без опыта работы на производстве или участия в академических разработках, признанных мировой научной средой, да еще с «детским», ограниченным в правах гражданством Содружества, не мог рассчитывать на достойные вакансии. Вакансии же учеников-специалистов с копеечной зарплатой и драконовским трудовым договором, который закабалит молодого спеца как минимум на десять лет, окончившего университет с красным дипломом Грифа совершенно не прельщали. Ему, как и любому молодому и жадному до жизни юнцу, хотелось всего и сразу.

Отец Грифа, мистер Брендон Коуэл, как и его дед, прадед Грифа, были достойными отпрысками древней фамилии, чьи предки одними из первых ступили на почву Новой Оклахомы. Оба давно и плотно занимались политикой, поочередно сменяя друг друга на посту губернатора штата Гриншир, оба не видели разницы в том, какое первое образование получит Гриф, поскольку считали, что это всего лишь первая, самая маленькая ступенька в его предопределенной ими карьере. Отец уже предложил на выбор сыну несколько престижных учреждений, которые были готовы с руками оторвать отпрыска губернатора, вплоть до открытия новой должности или организации целого отдела, в области, к которой их текущая деятельность не имела никакого отношения... Но Гриф уперся. Наверное, дали себя знать родовые гены первопоселенцев, которые, с бластером в одной руке, лазерным буром в другой и рюкзаком за плечами, прорубались сквозь первозданные джунгли нового мира, собираясь устроить свою жизнь только так, как считали нужным сами. Вот и Гриф точно так же собирался устроить свою жизнь исключительно по своему разумению, категорически отвергая любое вмешательство высокопоставленных родственников. Отец плюнул и высказался в том смысле, что «когда надоест рыть землю руками, заходи за лопатой». Прадед усмехнулся в густые усы, попыхивая тайком от прабабки трубкой из кости скалолоба, и сообщил отцу, что внук молоток, вылитый он – в смысле прадед. И что «хрен он попрется за твоей лопатой», поскольку «она ему в зад не уперлась». В общем, все было замечательно... в смысле хуже некуда. Потому что туда, куда Гриф хотел, его на работу не брали. То есть, как это принято у хедхантеров во всех мирах и во все времена, никто ему не отказывал. На резюме отвечали многозначительным «мы подумаем», или «сожалеем, но как только возникнет подходящая вашему статусу...», но от этого было не легче... Папаша, к слову, и послуживший причиной подобной несговорчивости потенциальных работодателей, потирал руки, тихо наблюдая за «самостоятельной» деятельностью сына, пока неприятная для него новость не переположила женскую половину их большого загородного дома на берегу Преторианских Озер.

Гриф выбрал единственный, почти безболезненный, как ему казалось, вариант получить опыт, полноценное гражданство, а также неплохо заработать и подписал краткосрочный контракт с военными на три года «ссылки» в инженерное подразделение, дислоцированное на отдаленном объекте. Объектом этим оказалась космическая пограничная опорная станция-крепость «Порт Бишоп». Первую половину личного состава крепости составляли такие же, как и он сам, инженеры-контрактники в младших офицерских чинах, а вторую – закоренелые вояки, у многих из которых за плечами имелся реальный боевой опыт, которые по той или иной причине были списаны подальше от бурной жизни активных боевых частей.

Служба оказалась... тоскливой. За сто пятьдесят семицветных САК-долларов ежемесячного пособия, которые в прошлой, гражданской жизни молодой физик мог позволить себе перебрасывать на свой оперативный счет из родительского бюджета ежедневно, здесь драли три шкуры. Углубленное изучение безнадежно устаревшей матчасти, чередующееся с длинными, тянущимися, словно вконец изжеванная жевательная резинка, вахтами перед большим голографическим щитом управления энергосистемой «Бишопа», высасывало и силы и мозг. После двенадцатичасовой вахты сил оставалось ровно на то, чтобы добраться до каюты, принять душ и рухнуть в постель. В такие моменты Грифу не нужны были ни сто пятьдесят, ни пятьсот, ни полтора миллиона долларов, а мысли о том, что такой жизни впереди еще целых два с половиной года, могли бы свести с ума, если бы не всепоглощающее желание наконец выспаться. Как где-то слышал Гриф, это называлось спать без задних ног. Однако наличие задних ног предполагало и наличие передних. В охотничьем запаснике прадеда, по ту сторону озер, разводили слонов, на которых любил охотиться престарелый аристократ Коуэл. В голове вертелась картинка, как у слона отваливаются задние ноги и он неуклюже пытается сдвинуть свое тело, опираясь только на передние, при этом его жопа оставляет за собой глубокую борозду в свежей лесной растительности, а сам он натужно ревет, описывая хоботом замысловатые фигуры...

И вот однажды эта тягомотина оказалась неожиданно прервана. Гриф в тот момент только три часа как сменился с очередного дежурства и потому как раз изволил почивать без тех самых задних... Вот ведь дьявол, снился ему как раз тот самый слон... Однако баззеры боевой тревоги заревели не в пример слону, так что тело без дополнительного участия мозга и с непосредственным участием всего одной пары ног приняло вертикальное положение и мчалось в душевую кабину, сшибая по пути редкие, неожиданно возникающие на его пути предметы интерьера офицерской каюты. Просыпаться Гриф начал, все еще натягивая на себя обмундирование, и закончил, выскакивая из скоростного лифта, ведущего из жилой зоны в зону боевых постов инженерного персонала. Плюхнувшись в кресло дублирующего оператора энергосистемы космической крепости, лейтенант успел подключить личный коммуникатор к сети циклической связи корабля и даже ввести в транспортер заявку на двести пятьдесят граммов черного эспresso без сахара.

– ...несистемный объект, обнаруженный в квадрате тридцать два дробь восемнадцать, продолжает медленно двигаться в нашу сторону, пост связи, доложите, прием...

– ...запрос в стандартном, расширенном и аварийном диапазоне частот произведен, результат отрицательный...

– ...сканирование на наличие систем вооружений произведено, результат отрицательный...

– ...пульт управления системой непосредственной обороны, доложите готовность к варианту «дельта 000»...

– ...все системы в боевом режиме, щит на мощности пятьдесят процентов, ждем энергетиков, дедлайн пять минут тридцать четыре секунды...

– Энергетики?

– Текущий режим мощности основной установки семьдесят восемь процентов от номинала, выводим с опережением на сорок секунд.

– Хорошо. Выводите на номинал и форсируйте еще процентов на десять.

– Перехватчики. Выпускайте одно крыло. Задача – установить визуальный контакт с объектом.

Лейтенант технической службы энергоснабжения Гриф Коуэл допил свой кофе как раз в тот момент, когда перехватчики вплотную сблизилась с этой разбудившей его «неожиданностью». Его шеф, майор Гибсон, уже успел поспорить на десятку баксов и один «медленный танец» с капитаном службы внешнего наблюдения Лизой Перье, что это обычный ржавый железный астероид, и, бросив короткий взгляд на лейтенанта, якобы невзначай сообщил ему, что у русских, к примеру, норматив реакции на боевую тревогу составляет всего пять минут, и это не просто «жопа в кресле», а еще и короткий доклад о готовности систем. На что Гриф привел ему другой исторический факт, когда американские пехотинцы отказывались идти в атаку, если не получали на завтрак свою порцию мороженого. Вообще майор был нормальным мужиком. В свободное от вахты время, треснув в баре коктейль собственного изобретения, который назывался просто «В2» и отличался от «В52» тем, что все три ликера в нем были заменены на виски, водку и абсент, Гибсон пускался в красочные описания своих боевых подвигов. После второй рюмки майор переходил на женскую тему, и его сослуживцы старались как можно быстрее влить в него еще две-три порции, которые окончательно «переводили» старого вояку в режим невидимости и он больше никому не мешал спокойно коротать время за кружечкой пива.

Перехватчики облетали объект, постепенно сокращая радиус облета, а на боковом экране пульта появилась картинка с «места событий». Черная сфера, диаметром не более десяти метров, поблескивала отражениями направленных на нее лазерных «щупов». Черная гладкая полированная поверхность и больше ничего. Майор уже радостно потирал руки и переругивался с парнями из СВН, не желавшими вот так просто отдавать в его «волосатые лапищи» своего единственного офицера женского пола, как вдруг... Объект исчез. Не испарился, не выставил камуфляж, не попытался удрать. Он исчез с радаров и с изображения, передаваемого на мониторы крепости...

* * *

– Как это исчез?

– Поверьте, советник, спецы полдня изучали записи фазированных радаров и активных средств идентификации. Ничего утешительного. Никаких излучений, никакой активности. Стояло зеркало на шкафе и пропало. Растворилось.

– Генерал, мы с вами живем в мире, в котором последнее стоящее чудо случилось больше трех тысячелетий тому назад. Даже НЛО и привидения уже давно перестали быть актуальной темой желтой прессы. Если меня начинает заводить тема с чудесами, я иду в храм божий, а не в штаб объединенного космического флота. Поэтому будьте любезны сменить терминологию и отвлечься от своих юношеских ассоциаций. Я забираю у вас все материалы по этому делу, а вас буду рекомендовать отпустить в отпуск недельки на две. Приводите свои мозги в порядок.

– Отпуск, советник, это хорошая идея. Я даже могу оставить вам адресок отеля, в котором буду отдыхать. Думаю, через пару-тройку дней вы тоже ко мне присоединитесь.

Генерал Макгрегор, председатель совета Генерального штаба объединенного флота Содружества, суховатый, подтянутый, с давно и густо покрытым сединой коротким ежиком волос на голове, едва заметным движением поправив китель, выскользнул из кабинета советника президента и, тихо чертыхаясь, аккуратно прикрыл за собой тяжелую дубовую дверь.

Несколько видеокамер проводили его, помаргивая друг другу красными точками индикаторов.

* * *

– Нууууу! А вам не кажется, юноша, что ответ на заданный вами вопрос не имеет практической ценности?

– Думаю, профессор, любой ответ на любой вопрос имеет практическую ценность, если не сейчас, то со временем...

– Хорошо...

Голограмма нескладной, длинноногой фигуры сауо, слегка покачиваясь из стороны в сторону, окинула взглядом притихший древний кафедральный зал Массачусетского технологического университета. Неожиданно эффектно пройдя прямо сквозь каменный постамент кафедрального стола, лет пятьсот тому как доставленного в Массачусетс неизвестно откуда и испещренного сверху донизу древними клиновидными рунами, профессор, бросив заинтересованный взгляд на этого дотошного слушателя его курса, начал свою речь:

– Системы двойных черных дыр, тем более равновесные, довольно редкое явление в нашей части вселенной. Вычисляют их обычно по характерной частоте создаваемой ими гравитационной волны. Не в традиции Могущественных тратить время на изучение несистемных явлений, тем более не в их традиции передавать подобные знания, не имеющие прикладного значения, своим приближенным расам. Однако кое-что по этому поводу я могу себе позволить рассказать вам. Действительно, как заметил этот молодой человек, сфера событий, которую мы и привыкли ассоциировать как поверхность черной дыры, таковой не является. Сфера эта лишь отделяет область, за пределы которой не в состоянии вырваться даже фотоны света. Соответственно, сближение таких областей в системе быстро вращающихся вокруг общего центра тяжести двух сверхтяжелых черных дыр нельзя моделировать так же, как сближение других сверхтяжелых объектов, поверхности которых силы приливной гравитации начнут деформировать в каплевидную форму, перекидывая между этими объектами «мостик» из материи перед неизбежным слиянием. Сфера событий будет вести себя совершенно иным образом. Соприкоснувшиеся сферы не сольются, а, наоборот, начнут преобразовываться в отстоящие друг от друга полусферы, образовав между собой диск с некоторой ненулевой толщиной, в объеме которого благодаря взаимному уравниванию возникнет пространство с нормальными условиями существования материи и энергии. Визуально это можно представить как разрезанный пополам апельсин, между половинками которого запихнули лепешку. Такая геометрия возможна до того момента, когда сольются истинные ядра черных дыр. И как бы страшно ни было, мне, как наблюдателю, было бы очень интересно заглянуть внутрь, пробравшись по этому блину, и убедиться в том, что либо материи там больше не существует и центром дыры является математическая точка сингулярности, либо, наоборот, материя продолжает вырождаться и пребывает в состоянии некоего сфероида. В первом случае толщина блина будет чисто математической величиной, а вот во втором... Но есть ряд нюансов. Находясь между ядрами двух черных дыр, в центре тяжести системы, вы находитесь в равновесном пространстве и не погибаете от разрывов и искажений либо ускорений. Во-вторых (хотелось бы сказать «в этот момент времени», но боюсь, данное выражение будет некорректно), для стороннего наблюдателя ваше время практически останавливается и пара секунд, проведенных там, будут равноценны целой вечности здесь, а наличие у вас небольшого бутерброда, бутылки воды и пяти-шести кубометров чистого воздуха гарантирует, что вы доживете там до смерти самой вселенной. Раз уж разговор зашел о сингулярности и черных дырах, хочу развенчать одну легенду, часто фигурирующую в вашей околону научной литературе, с которой мне приходится постоянно стал-

киваться. Черная дыра по силе притяжения нисколько не больше, чем та масса материи, которая была ею поглощена, то есть, как правило, это соответствует массе ядра коллапсирующей звезды. Поскольку дальнейшее поглощение материи в сотни раз менее эффективно. Конечно, это не касается черных дыр, расположенных в плотных, насыщенных материей секторах галактик, например в их центральных областях. И еще: искривление пространства может быть связано не только с гравитационным коллапсом и соответственно обладать совершенно иными свойствами взаимодействия с материальными объектами нашей вселенной, но это совершенно отдельная история.

Прозвеневший древний дребезжащий звонок, являющийся символом традиций и одной из фишек университета, обозначив окончание лекции о сверхмассивных образованиях, обнаруженных и изучаемых в окружающих секторах обитаемой вселенной, поставил точку в рассуждениях профессора. А может, и запятую, кто знает волю Творца, да будет он велик и милосерден к своим созданиям. Ладони рук саю сложились в знак благословения присутствующих в аудитории, и голограмма, взмахнув профессорским плащом, растаяла в отблесках нескромных лучей заката, проникающих в помещение сквозь приоткрытые двери пожарного выхода в стеклянный коридор, прикрытый сверху тяжелым треугольным парусом крыши.

Хоаххин саа Реста, лейтенант шестого флота Его Императорского Величества Российской империи, вот уже почти полтора года обретался на планете Земля в качестве студента этого самого Массачусетского технологического университета. Что само по себе было удивительно, поскольку, во-первых, стоило совершенно неприличных денег, во-вторых, не менее глубокое и разностороннее образование он мог бы получить в любом университете собственно Российской империи, включая тот же Гранд-Петербургский академический. Но таково было его «послушание»... Первые пару месяцев Хоаххин откровенно тосковал по Светлой, по своему кораблю и своей, привычной уже, службе в космодесанте. Словно скоростной лазерный сканер, он заглядывал как учебные курсы и лекции профессоров, так и те материалы, которыми был завален электронный лекторий университетской библиотеки, пропадая там до двадцати часов в сутки. И при всем при том не прекращал оттачивать свои способности «чтеца». К четвертому месяцу своего студенчества, без всякого стеснения пользуясь проникновением в подсознание, Хоаххин детально изучил биографии как своих сокурсников, так и контактирующего по долгу работы с ними профессорско-преподавательского персонала университета. Он уже мог точно предсказывать не только кто, кому и на какой балл сдаст (не сдаст) тот или иной курс, но и некоторые события, выходящие за рамки обучающего процесса. Например, когда его сокурсник Мгамба Баха, сын короля Лета-врии Баха Третьего, уже готов был обложить уважаемого лабораторного помощника Мерзу Пакоса совершенно непристойными ругательствами на родном языке, после чего проткнуть его остро отточенной бедренной костью страуса пупогрея, выдернув ее из своей неподражаемой прически, Хоаххин уронил ему на ногу пластиковый стаканчик с горячим кофе, и Мгамба, ко всеобщему удивлению, тут же успокоился и затих. Просто никто, кроме Мгамбы и вот теперь Хоаххина, не знал, что одним из этапов посвящения в мужчины на Лета-врии был ритуал поливания кипятком конечностей претендента, при этом последний должен был улыбаться и возносить хвалу своему палачу за то, что тот помогает ему преодолевать собственные непотребные эмоции. А иногда Хоаххин, из чувства сострадания, подбрасывал в графин с водой того же лаборанта пару быстрорастворимых таблеток с сосудорасширяющим анальгетиком, причем это происходило исключительно накануне тех дней, когда Пакос имел неосторожность провести бурную ночь с девчонками из лингвистического центра и, не успев утром войти в лабораторию, двумя глотками опустошал графин с заранее припасенным дистиллятом (не путайте с ректификатом).

Через шесть месяцев пребывания «на каторге» наш студент увлекся американским футболом и стал ежедневно вечерами носиться по зеленому настилу футбольного поля, стараясь при этом не калечить однокурсников. Но и это быстро надоело, поскольку лейтенант не только хорошо бегал и умел незаметно и жестко пихаться, а заранее знал, куда бежать и в какой точке через несколько секунд окажется мяч.

Подаренные Хоахину «руководством» нейроактивные зеркальные очки никогда не покидали его носа. В этих очках, а также в типично студенческой одежде, он уже не казался таким уж уродом. Видимо, по этой причине он стал иногда замечать заинтересованные взгляды явно пресыщенных жизнью, небедных студенток на своей сплетенной из мышц и покрытой серой мелкой чешуей, статной и быстрой фигуре. По прошествии года, защитив как минимум десяток учебных статусов в различных областях, он решил, что совершенно расслабился, и попросил Смотрящего на Два Мира вернуть его на службу. На что сначала получил неожиданный начальственный нагоняй, потом ласковый отеческий разговор о великих надеждах и видах на него Совета Адмиралов планеты Светлая, и, наконец, ему была поставлена «боевая» задача. Ему следовало максимально глубоко познакомиться с работами представителя расы сауо, профессора наа Ранк.

* * *

Профессор наа Ранк был дорогим (во всех смыслах) гостем, и прослушать цикл его лекций, а тем более подискутировать с ним лицом к лицу (ну или хотя бы с его голограммой), было большой честью для слушателя любого высшего учебного заведения в мире людей. Тем более сделать это на планете – прародительнице человеческого космоса. Он был первым (и отнюдь не последним) приглашенным представителем ученого сословия миров Могущественных. Именно сауо, присягнувшие когда-то Черному Ярлу и его Королеве в верности, стали первыми гостями в мирах человеческого космоса, поражая академическую элиту уровнем знаний и приоткрывая дверь в святая святых логики Могущественных. Несмотря на имеющий место околонучный протекционизм академических администраторов, не без труда и постепенно преодолеваемый «заинтересованными лицами», огромная разница в научном и технологическом потенциале этой расы относительно человеческих достижений открывала перед ее представителями даже самые «тяжелые» двери. Интерес самих сауо был, безусловно, определен возможностями работать в тех областях исследований, которые попадали под жестокое табу у самих Могущественных. И именно работы в области управления временем в континууме Могущественные не допускали, ссылаясь на то, что эти исследования противоречили пути, предначертанному Творцом. Что интересно, активное участие в приглашении ученых из миров Могущественных осуществлялось при активном участии Ватикана. Видимо, постоянные ссылки на Творца, которыми изобиловали научные работы этих ученых, импонировали Папе, а возможно, его мотивация была намного глубже, чем банальная теологическая подоплека. Так или иначе, но фактом оставалось то, что только при посредничестве некоего аббата Нозля ученые сауо попадали в пределы человеческого космоса.

Профессор наа Ранк уже успел стать признанным светилом и почетным академиком дюжины академий в конгломератах, а каждый его новый курс сопровождался возникновением массы метафизических гипотез. Так, в среде бакалавров в универе ходили упорные и совершенно невообразимые слухи о принципиально новой теоретической базе, в разработке которой и принимал участие почтенный сауо. Тем более что эта работа финансировалась на средства «Ершалаим Сити Банка» и якобы была непосредственно связана с теорией управления временем.

* * *

– И потом что?

– Да ничего. Вышли из пещеры и пошли к площадке, на которой стоял его корабль, что-то типа фельдъегерского курьера, но подлиннее и корма пошире. Сунул он меня в него, как мешок с картошкой, выдал вот очки с нейроактивными камерами, сказал, чтобы я ничего не трогал и управление на себя не брал ни при каких обстоятельствах, сам не полетел, дел, говорит, и без тебя по самые уши. Дня три я пересматривал ролик с инструкциями, наблюдал по датчикам за маневрами «Скорпионов», в общем, тоска зеленая. А потом вывалился в пространство в пустой ничейной зоне. Через час меня принял бот с «Варяга». Точнее, это я его «принял». Бот пустой болтался, пока я на него перебрался, пока активировал ускоритель, пока синхронизировал системы внешнего обзора, ко мне подтянулся сам «Варяг», а курьера уже и след простыл. Откуда в итоге он летел и почему так быстро, ей-богу, не знаю.

– Значит, особо пообщаться не получилось?

– Почему не получилось? Пока он меня к кораблю за шиворот тащил, я приставал с вопросами, а он улыбался. Считаю, пообщались.

Пантелеймон подкинул сучковатый обломок в огонь. Сноп ярких искр вырвался из потревоженного костра и взметнулся вверх, испуганные звезды моргнули в темноте прохладной осенней ночи. Он не видел, а может, и не надеялся увидеть своего бывшего послушника уже лет пять. И вот с утра как снег на голову. Здравсье-нате. Заходит в храм капитан-лейтенант флота Его Императорского Величества в парадном мундире, в аксельбантах и значках, как елка на рождество. Здоровый как бык, мягкой такой походочкой, словно и не из строевых, а кот на охоте за мышами...

– Говорить не хочешь? У меня, между прочим, допуск седьмого уровня.

Хоаххин широко улыбнулся, блеснув острыми белыми зубами. Увидеться с Пантелеймоном он мечтал с того самого момента, когда чья-то добрая и сильная воля, вот так просто, взяв за воротник, вытащила его уже изрядно поджаренную задницу из смертельного круга на ринге фиолетовой Аалы Могущественных и тут же забросила на Землю. Возможности выбраться на Светлую у бойца категорически не было. Вот и сейчас прилетел на одни сутки, на торжественном построении перед дворцом Совета Адмиралов получил неожиданное повышение и, не успев переодеться в полевую повседневную форму, ломанулся в Храм Веры к старому другу.

Он обнял «старика» за шершавую, обвязанную мышцами толстую бугристую шею штангиста и почти беззвучно, с легким присвистыванием, закатился в приливе отчаянного хохота.

– Отец родной, да что же за напасть вечная, ты же, поди, с ним встречался не раз, да и не как я, с мокрыми штанами, а в бою, не на жизнь и не за славой...

– А то ты не знаешь? Ты же мне, наверное, весь череп вскрыл. Не встречался. Слышал много разного, но вот не довелось.

Пантелеймон, пытаясь с расстройства, выковыривал заскорузлым пальцем заварку грибного чая из стеклянной банки с неудобным узким горлышком и тут же отправлял ее в шипящий на огне кипятком измятый и подкопченный алюминиевый чайник.

– Я много чего спрашивал, с перепугу, сейчас всего и не вспомнить. Спрашивал, почему меня так просто выпустили, я ведь уже к смерти приготовился и столько там всего наворотил. Сказал, что не просто, совсем не просто. Он ведь меня называл своим оружием, а в обычаях Князей оружие из рук равного им воина может забрать только победитель, бросивший личный вызов сопернику. А сражаться с ним в одиночку никто охоты не проявил. Да и кто из разумных станет сражаться с Пришедшим После, учеником самого Творца.

– Что-то не пойму, кто оружие, кто ученик.

– Не переживай. Я и сам тогда не понял. Да и сейчас кое-что не догоняю... А у меня двенадцатый уровень...

– Выше десятого не бывает.

– Эх, Пантелеймон, чего только в этом мире не бывает...

Приятели разливали чай по граненым стаканам в подстаканниках на «камбузе» отца-настоятеля и неторопливо сдували горячий пар. Костер перед аркой грота отстреливался последними всполохами, едва освещая вход в пещеру. Пантелеймон продолжал неугомонно ерзать увесистой задницей на скрипучей деревянной сучковатой скамье.

– Так, значит, я имею честь поить чаем кавалера ордена Святого Георгия, капитан-лейтенанта космодесанта?

– Почти.

– Да что же там, на шестом флоте делается?! Ты же как старый еврей стал, а ведь еще и двадцати годков не стукнуло...

Хоаххин снова расплылся в улыбке.

– Себя-то вспомни, «вот подрастешь, желтопузый, сам все поймешь». Было?

– Да было, было. Ты вот посиди здесь с мое, лицом к лицу со всеми святыми. Учишь, учишь бестолочей всяких, они вот в офицеры, а я тут как дуб корнями врос в скалу...

Что-то невесомое, словно струя горячего воздуха, нехотя пошевелило листву на поляне перед пещерой.

– Ну вот. А обещали сутки...

Не то бурча себе под нос, не то констатируя факт, Хоаххин привычным жестом застегнул верхнюю пуговицу парадного белого кителя. Не выпив и по шестому глотку, оба служивых мгновенно подобрались и, поставив стаканы на тяжелую столешницу сиротливо пустующего обеденного стола, двинулись ко входу. Навстречу из темноты, характерно припадая на правую ступню, решительно вынырнула фигура Смотрящего на Два Мира. Столкнувшись нос к носу, точнее, нос с широченной грудью отца Пантелеймона, прикрытой серым балахоном, он нехотя отпрянул назад. Обычно крайне аристократичные манеры герцога настолько въелись в его повседневность, что некоторая совершенно не свойственная ему нервозность и даже суетливость не могла остаться незамеченной «пещерными жителями». Обманчиво мягкий взгляд его черных глаз, напоминающих о «прямом родстве» с Могущественными и привыкших смотреть вокруг себя неторопливо и немного надменно, шнырял из стороны в сторону, а сами глаза готовы были выпрыгнуть из-под высокого, увенчанного небольшими рожками лба. Эту мгновенную заминку в клочья разорвал уже знакомый Хоаххину тихий, мгновенно подчиняющий себе любого, решительный голос, раздавшийся из темноты за спиной герцога.

– Что, братья-лазутчики? Антоновки погрызть никто не хочет?

Нижняя челюсть Пантелеймона, уже начавшая произвольное движение вниз, громко щелкнула, чуть не отхватив своему хозяину половину языка...

* * *

Прозрачные стеклянные стены помещения ассамблеи Генерального штаба медленно мутнели, а над плотно закрытыми панелями раздвижных дверей одна за другой зажигались зеленые огоньки индикаторов безопасности, означающие, что этот обширный зал, заполненный самыми высокопоставленными военными чинами Содружества Американской Консти-туции, полностью изолирован от внешнего мира и все личные системы связи полностью подавлены. Советник президента Уорен Вентура, убедившись в том, что все взгляды присутствующих наконец обращены на его трибуну, активировал архивные записи систем дальнего

визуального обнаружения объектов пограничной крепости «Порт Бишоп». Яркие лазерные маркеры рассыпались по привычной уже картинке звездного неба этого сектора.

– Все вы, господа, внимательно изучили первичный доклад аналитического центра о неизвестном объекте, обнаруженном год назад в непосредственной близости от наших границ и так же неожиданно исчезнувшем после попытки установить с ним непосредственный контакт. Сегодня же я намерен сообщить вам детали, которые не вошли в упомянутый доклад, поскольку тогда ускользнули от зорких глаз сотрудников нашей аналитической группы. Во-первых, объект появился в поле зрения визуальных систем наблюдения как минимум за два часа до того, как состоялась первая попытка его идентификации. Установить этот факт нам удалось исключительно по «тени», которую объект отбрасывает на удаленные от крепости звездные скопления. Запись, как вы видите по хронометру, воспроизводится со значительным замедлением. Во-вторых, обратите внимание на пульсации объекта: кто-нибудь из вас еще помнит морзянку? Наверняка использовали этот код, когда бежали друг за другом по лесам в составе скаутских отрядов? Разбираете теперь смысл передаваемого сигнала? Да, это международный сигнал бедствия, или попросту «SOS». В-третьих, если внимательно рассматривать пульсации до того момента, как они приобрели осмысленную форму, то есть почти непосредственно перед тем, как объект приблизился к крепости на минимальное расстояние, перестал поглощать сигналы наших сканеров и был, наконец, обнаружен, то они совершенно хаотичны? А вот и нет! Наш рядовой технический сотрудник, лейтенант инженерной службы Гриф Коуэл, обратился непосредственно ко мне и сформулировал интересное и простое как детский анекдот предположение. В общем, если просматривать запись задом наперед, то морзянку можно преобразовать в следующий текст на нашем родном языке: «Приносим свои извинения за беспокойство, надеемся на понимание, конец связи»! Кстати, и «SOS» в обратном воспроизведении имеет тот же самый смысл, что и в прямом. И, наконец, в-четвертых: уже упомянутое предположение Коуэла состоит в том, что этот корабль путешествовал не столько в пространстве, сколько во времени. Причем двигался в противоположном его течению и, соответственно, исходя из этого, весь ряд событий следует рассматривать так. Сначала корабль появился из «ниоткуда» возле нашей пограничной крепости и, не будучи закрыт маскировочным полем, отражал сигналы наших систем наблюдения. Затем он прекратил отражать наши сигналы и начал медленно удаляться от нас, постоянно передавая информацию с просьбой о помощи. А затем уже, видимо устранив неполадки, вежливо попрощался и отправился восвояси. Теперь господа генералы, обсудим с вами то, какие ценные мысли вас посетили, пока я тут перед вами распинаясь?

– Это русские!

– Представьтесь, генерал!

– Генерал Шнейдер, командующий внутренним флотом Ассоциации. Сэр!

Розовощекий бойкий мужичок встал со своего места, вытянувшись по стойке «смирно»:

– Это русские, сэр! Только у них всегда хватало наглости вежливо посылать нас на три буквы! Причем даже тогда, когда они уже горели в аду! Упомянув три буквы, я не имею в виду аббревиатуру «SOS», сэр! Плюс к этому именно у них вечно все задом наперед!

– Резонно, генерал. Но, к сожалению, совершенно бездоказательно...

* * *

– Ну что там?

Черный Ярл постучал пальцем по своему правому уху. Печально рассматривая свое отражение в начищенном до блеска медном самоваре, занимавшем в камбузе Пантелеймона почетное и от веку неизменное место в центре грубо строганной дубовой столешницы госте-

вого чайного стола. Три пары горящих неподдельным энтузиазмом внимательных глаз с нетерпением ловили каждое его движение, не забывая при этом следить за остатками большого макового пирога, принесенного с собой неожиданными гостями и живописно расположившимися рядом с медным раритетом.

– Линкор подтвердил глобальную информационную блокаду этой части материка. Теперь можно спокойно и по делу.

Он перевел взгляд на настоятеля Храма Веры.

– И Пантелеймон, если вас не затруднит, не смущайте герцога своими изящными клыками, закройте, бога ради, рот, наконец. Так вот, господа. У нас возникла небольшая проблема. И вам поручено эту проблему решать. Поскольку вы являетесь подданными Российской империи и состоите на службе в ее флоте, то для подтверждения требований субординации здесь присутствует должностное лицо, представляющее Совет Адмиралов... – Черный Ярл кивнул в сторону герцога.

– Задача, которая будет вам поставлена, входит в компетенцию контрразведки шестого флота Его Императорского Величества, и ваши, Хоаххин, индивидуальные возможности, по общему мнению, будут играть решающую роль в ее решении. Надеюсь, что армейская выучка и врожденная учтивость и скромность...

Уголки губ Ярла при этом предательски поползли в разные стороны.

— ...не позволит вам задавать мне сейчас много излишних вопросов, поэтому мы сразу перейдем к постановке задачи и необходимым для этого пояснениям.

Вы, как минимум в общих чертах, представляете себе принцип действия маршевого двигателя современного космического корабля. Принцип этот заключается в том, что в процессе его работы создается «гравитационная волна». То есть разность гравитационного потенциала перед носом и за кормой корабля. Если выражаться образно, двигатель прогибает пространство в направлении вектора движения. Так вот, последнее время одна из наших лабораторий, руководить которой мы пригласили известного тебе, Хоахин, профессора наа Ранка, занималась разработкой принципиально новой схемы движения в континууме пространства времени, мы создавали двигатель, который «прогибает» не пространство, а время. Что в принципе не так уж сильно отличается одно от другого. Мы создали не только двигатель, мы создали экспериментальный корабль и даже провели несколько испытательных полетов... Но этот корабль у нас угнали.

[illegible]

– Так точно! – рывкнул Пантелеймон, чуть не опрокинув на герцога свою литровую чашечку с кипятком.

– Вот и замечательно! У вас двое суток на детальное изучение всех имеющихся на данный момент материалов по этому вопросу, а также на подготовку предварительного плана расследования и легенды, в рамках которой вы будете легализованы. Не смею вас больше

задерживать, поскольку вас уже ждут сотрудники лаборатории, включая нашего дорогого профессора саюо.

– А чай?

– Допивайте без меня...

Черный, прикрепленный к легкому штурмовому бронекомбинезону серебряными пряжками плащ взметнулся было вверх, но, придерванный ладонью, затянутой в перчатку, поблескивающую сегментами с серым налетом келемита, вновь послушно улегся на широкие плечи своего хозяина. Со стороны уже скрывшейся в ночной темноте высокой фигуры отчетливо донеслось:

– Удачи вам, парни! И ни пуха!

Хоаххин опять расстегнул верхнюю пуговицу, герцог перестал, наконец, ерзать, а Пантелеймон уже протянул руку к остаткам пирога. Но при этом все трое одновременно полупшепотом произнесли:

– К черту.

И сделали характерное движение, подразумевающее попытку плюнуть указанному нечистому субъекту в глаз, ориентировочно находящийся в этот момент у каждого из них за левым плечом.

* * *

Джереми Хаук, полковник военной разведки САК, работающий под псевдонимом Замыкатель, прекрасно разбирался во многих вещах, начиная от длинноногих блондинок и заканчивая датчиками аппаратуры слежения, но в физике высоких энергий он не понимал ни фига. Вот завалить с пятисот шагов быстро бегущую цель – это да. Незаметно плеснуть в бокал собеседнику прозрачную безвкусную жидкость – это тоже не вопрос. А кванты, кварки, пионы, глюоны и прочая мутотень... О чем он совершенно однозначно сообщил руководству в очередном докладе, зашифровав его на электронном носителе и отправив с очередным визитером в виде шариковой ручки, в нужный момент транслирующей сообщение через любую доступную беспроводную сеть по указанному адресу.

* * *

– А почему, собственно, именно этот мальчик? Коуэл?

– По ряду причин. Во-первых, он специалист в этом вопросе, если, конечно, по этому вопросу вообще кого-то можно зачислить в специалисты. Во-вторых, у него голова и задница расположены на теле в разных местах, в отличие от большинства членов вашей уважаемой команды. В-третьих, тест его психосхемы показал девяносто пять процентов лояльности САК. В-четвертых, он нигде не засвечен. Ну и в-пятых, его, если что, не жалко. В отличие от вас, генерал, и вашего полковника. Провалится – значит, судьба такая.

– А сам-то он как?

– Ну а куда ему деваться? Полное гражданство хочет. Жениться хочет. За демократию на пулемет пойдет. Наш человек. И нечего улыбаться. Вам бы хоть одну из этих мотиваций, так вас можно было хоть как-то использовать. А так...

Советник извлек из деревянного инкрустированного серебром ящичка блестящую металлическую трубку электронной сигары и вставил в нее капсулу с надписью: «Сто процентов кубинский лист».

– Мы пытались подбираться по другим каналам. Даже подняли секретное досье мистера Корна. Но кто-то капнул президенту, и все... Мне вице-президент, эта старая сморщенная кошелка, почти прямо в лицо предложила подумать о будущем, своем и своей семьи.

Представляешь? У вас, говорит, советник, двое таких замечательных мальчиков. Чего вам еще нужно от этой жизни?

Трубочка блеснула алым огоньком, и советник, глубоко затянувшись, продолжил свой монолог:

– Даже рассмотрели возможность выйти на самого профессора наа Ранка, но там вообще глухо. Наши люди из Ватикана даже разговаривать на эту тему отказались. Уже и намекал им на божественную благодарность и на мирские радости. Ни в какую. Все посылают к Ноэлю. А это все равно что в преисподнюю послать. В общем, что есть, то есть.

– А то, что сама контора 4S в белом списке и работать там нам, мягко говоря, не рекомендовано, и то, что, исходя из параграфа двести четырнадцать нашей обожаемой Конституции, мы не можем привлечь к нашей деятельности сотрудников, не имеющих полноценного гражданства без письменного согласования с их родителями, опекунами?

Советник поперхнулся и потянулся к бокалу с родниковой водой, которую, кстати, производили на заводах его шурина.

– Послушайте, генерал, гражданство парню уже оформили. И вообще, не сбивайте меня с толку, я и так не спал уже сутки, а тут еще вы со своими подколами. В общем, все решено. Замыкатель уже подготовил почву. Залил в человека, которого мы заменим на Коуэла, какой-то гадости, и того теперь будут лечить в госпитале планетоида. Наши люди в научном сообществе дали на образовавшуюся вакансию нужные рекомендации. Так что Коуэла уже проверяют по процедуре трудоустройства. Полковник за ним присмотрит, если будет ерепениться, его тоже в больничку спишут. Пока же наша с вами разведывательная деятельность не принесла ни цента, а это очень нехороший признак.

Шеф военной разведки генерал Стив Уокер не был склонен к дальнейшим спорам или препирательствам с советником президента, курирующим проблему «Черной Сферы», а посему поспешил покинуть его резиденцию. Однако и безоглядно кидаться в эту авантюру с головой, как прыщавый курсант, он тоже не собирался. Дело явно пахло жареным, и нужно было подготовить себе гарантированный отход. Новейшая технология, построенная на биокристалле и биомембранах, вживленных в ушную полость, позволяла вести запись разговора так, чтобы ее не распознали датчики охранных систем. Осталось только решить, кого из противников советника стоило привлечь в качестве страховки. А противников советник со своими дурацкими манерами общаться с людьми нажил более чем достаточно. Выбор был затруднен только тем, что генерал никак не мог понять, с чьей подачи такого «ценного» специалиста президент назначил на это щепетильное дело, мало того что касающееся таких непростых людей, как мистер Корн, но еще и интересов Святого престола, уже не говоря об интересах русского императора.

* * *

Орбитальный док в необитаемой системе альфы Центавра, в связи с непосредственной близостью к материнской планете человеческого космоса, формально не входившей ни в один из глобальных конгломератов, ничем особенным не отличался от миллионов подобных сооружений. Большое количество автоматических буюв-напоминалок о том, что данная территория является частной собственностью некой «Индиго спейс индастриз ГМБХ», да несколько частных охранных корветов с лейблами «Индиго спейс секьюрити сервис» наводили на мысль о принадлежности всего этого железа одной и той же небольшой, но всесторонне развитой корпорации. Лишь опытный пилот челнока, доставившего друзей к неприглядному, густо покрытому кратерами и подмерзшим аммиаком планетоиду, вокруг которого и вращался уже упомянутый док, сверяя расчетную глиссаду с автоматическим диспетче-

ром планетоида, ворчал что-то про типично армейские протоколы безопасности и нудятину многоуровневых подтверждений идентификации корабля.

– Разрешите представиться, мое имя Хоаххин саа Реста, я представляю Международную ассоциацию безопасности гражданских космических полетов и наделен полномочиями инспектировать объекты ремонта и строительства кораблей, доки, верфи и т. д. На предмет соответствия производственных процессов нормативам, принятым нашей ассоциацией. А это мой помощник, техник, Пан те Леймон. Нет, он не француз, хотя лицом очень напоминает, да, очень, согласен. Вы ведь, надеюсь, заблаговременно информированы о нашем прибытии? Да? Приятно, это приятно. Мы постараемся вас не обременять своим присутствием, буквально пара запросов, и мы вас с радостью покинем. Ну что вы, что вы. Просто нас интересует исключительно шестой орбитальный бокс. Что вы говорите? Отдельный арендатор? Дополнительный допуск? Собственная охрана? У нас все согласовано, можете мне поверить, никаких проблем, совершенно никаких...

Опытный, семидесятилетний, но еще вполне себе моложавый и съевший не одну собаку менеджер, непрерывно улыбаясь и подозрительно поглядывая на зеленый индикатор панели допуска мобильного сканера, пытался припомнить, когда последний раз на «его» территории появлялись подобного рода посетители. Максимум, что он предполагал увидеть, это желтый или салатовый допуск, такой же, каким обладал он сам. Хоаххин еще до того, как вошел в шлюз челнока, отключил свои очки, чтобы не мешали погрузиться в атмосферу взглядов обитателей комплекса, и теперь самым бесстыдным образом изучал подноготную встречающей их немногочисленной руководящей команды.

Холдинг «Индиго Спейс» был основан сыновьями бывшего (не одну сотню лет тому назад) директора МОССАД Тамира Пардо и первоначально назывался «МОССАД Спейс Сервис» («MOSSAD Space Service») или в узком кругу его клиентов просто 4S. «Просто 4S» еще в те стародавние времена пользовался славой конторы, которая умеет в частном порядке профессионально и ненавязчиво решать любые проблемы, возникающие в активно осваиваемом космическом пространстве, причем делать это без оглядки на флаги и гербы заказчика. Руководили конторой исключительно люди из клана Пардо, прошедшие профессиональную школу в качестве офицеров различных «скромных» организаций, являющихся постоянными клиентами 4S. Поговаривали, что один из праправнуков Пардо умудрился поработать в ИФСБ, но ни подтвердить, ни опровергнуть этого никто не мог, поскольку указанный праправнук под сень своего клана не вернулся, а остался работать там, где ему, видимо, это понравилось больше. Время шло, подходы к решению «частных проблем» менялись, выставляя новые требования и открывая новые горизонты. Поменялся даже собственник. Контору прибрал к рукам вездесущий «Ершалаим Сити Банк», он же сменил вывеску, поставив ее несколько одиозной и привлекающей ненужное внимание. Впрочем, логотип с менорой на заднем плане и прикрывающими ее развесистыми перекрещенными оливковыми ветвями остался прежним. Ну и, конечно, заказчики оставались все теми же. Они ставили задачи, аккуратно расплачивались за результат и не совали свой нос в дела других партнеров компании. Ренато Пьезо, управляющий менеджер комплекса, подавал большие надежды в центральном аппарате, расположенном на Нью-Вашингтоне. Но случилось непредвиденное, однажды на корпоративном «мероприятии» он попался на глаза скучающей жене босса, которая любила танцевать, и... уже через неделю ему сделали предложение, от которого он не смог отказаться. Его «повысили» до управляющего объектом в «престижном районе», вплотную прилегающем к Солнечной системе. Вот только забыли предупредить, что этот объект никто и никогда не покидал по собственной воле даже на очень короткие промежутки времени. Даже секретарша Ренато не менялась у него уже более восьми лет, поэтому он помнил наизусть все родинки на ее попе, животе и вечно растопыренных в разные стороны грудях. Но, как известно, то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Пьезо стал очень, очень

осторожным и предусмотрительным как в личных, так и во всех остальных своих делах. Молчать и улыбаться – вот те основные качества, которые не позволяли руководству «повысить» его еще дальше. Именно эти качества не позволили его любопытству продублировать запрос на уровень допуска гостей в центральный офис. Если допуск выдан, значит, его было кому выдать, а выдавать подобные допуски мог только один человек в компании, и желания общаться с ним у Пьезо не возникало.

Как показало сканирование его памяти во время проведения светской части процедуры приветствия прибывших к нему гостей, он не обладал абсолютно никакой информацией, связанной с кораблем. Зато он хорошо знал и очень уважал представителя заказчика, которым был герцог Смотрящий на Два Мира.

Хоаххин попросил Ренато предоставить ему всю имеющуюся информацию о посетителях шестого орбитального бокса. Кто, когда, по какой причине, на каком основании, на какой промежуток времени, на каком транспорте прибыл, перечень ввезенных и вывезенных личных вещей, в общем, все, что только могло храниться в архивах многочисленных сканеров и других систем негласного контроля за обитателями и посетителями шестого дока.

В отличие от управляющего, профессор саю мог часами объяснять нюансы конструкции и воистину революционный принцип действия этой «игрушки». Как только они с Паном оказались на территории шестого дока и предстали пред ясны очи профессора, на столе которого на позолоченной подставке красовался черный обсидиановый шар, сантиметров тридцати в диаметре, он ткнул в него пальцем и заявил: это как раз модель того, чем они тут занимаются...

* * *

– Нет, личные дела мне не нужны. Завтра в восемь ноль-ноль прошу всех без исключения в алфавитном порядке и в режиме живой очереди ко мне в кабинет по одному. Сколько всего персонала в доке? Пятьдесят три человека? Хорошо, начнем с инженеров и научных сотрудников...

Хоаххин беседовал о снабжении персонала, о насущных нуждах, об отсутствии отпусков и связи с внешним миром. Уже через пять-десять минут беседы люди, почувствовав отсутствие угрозы и давления со стороны «инспектора», расслаблялись и болтали без умолку. Кто-то откровенно скучал, кто-то, наоборот, был с головой погружен в работу и его совершенно не смущали мелкие бытовые неудобства. Девушки, с интересом посматривая на складную мускулистую фигуру собеседника, постепенно теряли к нему интерес, осознав, что перед ними мутант. Парни, в большинстве своем будучи отъявленными «ботанами», переходили на научную терминологию, подчеркивая тем самым в собственных глазах преимущество интеллекта над грубой брутальностью «инспектора». В общем, подыгрывая и поддакивая, Хоаххин использовал диалог для хорошо отработанной схемы глубокого проникновения в воспоминания собеседника, в осознанные или не осознанные им самим потребности, надежды и мечты. Проверая попутно истинность представленных ими и собранных при прохождении последующей проверки при трудоустройстве сведений личного и профессионального характера. Все было чисто. Часы показывали около девяти вечера, когда из кабинета, улыбаясь и искренне пожимая руку Хоаххину, вышел двадцать третий опрошенный «инспектором» инженер, разработчик программного обеспечения для псевдоразумных биокриогенных вычислительных комплексов.

– Пожалуй, последнего на сегодня послушаем. И еще одну бутылочку воды без газа, очень буду благодарен, – сообщил Хоаххин через внутреннюю селекторную голосовую связь длинноногой тощей секретарше, позаимствованной на время у профессора, с которой, собственно, утром он и начал эту порядком вымотавшую за день работу.

Через пару секунд на пороге профессорского кабинета появился симпатичный, аккуратно причесанный молодой человек с глубоко посаженными внимательными карими глазами. Подойдя ближе к столу, он протянул вперед руку с теплой, но довольно жесткой ладонью.

– Добрый вечер, инспектор. Мое имя Олаф Лаупинен, подданный системы Хайлуотто, инженер нашего базового ускорителя...

– Да перестаньте, Гриф!

Хоаххин снял с носа очки и положил их на стол.

– Я думал, не запомнить такую физиономию, как у меня, совершенно невозможно. Тем более что после нашей встречи в космопорту на Нью-Оклахоме прошло по стандартному числению не больше трех лет. Я ведь ничего не напутал?

Гриф Коуэл, конечно, узнал бродягу, которого он угостил гамбургером в кафешке космопорта Новой Оклахомы. Отрицать свою принадлежность к САК в этой дурацкой ситуации было совершенно невозможно. Гриф опустил глаза, его лицо пылало огнем. Мысль о полном провале была последней перед тем, как он почувствовал, что что-то в его мозгу начинает раскручивать его память, как пластинку на древнем патефоне. И сам он погружается в собственные воспоминания.

– Кто вы?

– Тот, кто поможет тебе избежать очень серьезных проблем.

– Я не смогу ответить на ваши вопросы, а врать вам мне почему-то очень не хочется.

Капитан-лейтенант внешней разведки шестого флота Его Императорского Величества грустно усмехнулся и опять натянул на уши свои зеркальные очки.

– А с чего ты взял, что я буду задавать тебе вопросы? Ты уже рассказал мне все, что я хотел о тебе знать. И могу сказать тебе вот что: проделанная тобой здесь работа, с одной стороны, существенно облегчает мою задачу, потому что я теперь могу смело вычеркнуть САК из интересующего меня списка претендентов, вставляющих нам палки в колеса, а с другой стороны, существенно ее усложнило, по той же самой причине. А как бы все было просто, если бы именно ты оказался тем звеном, за которое можно было бы потянуть и распутать этот клубок.

Гриф удивленно вытаращился на своего «старого знакомого».

– Вы давно наблюдаете за мной?

– Да. Уже двадцать минут. И могу детально рассказать тебе о том, как ты смог добиться полного гражданства Содружества Американской Конституции, и о том, как ты служил на «Бишопе», и о том, куда ты помещаешь закладки с полученной информацией. Одно для меня, как и для тебя, остается загадкой, кто и как переправляет эту информацию дальше. А это важно. Поэтому у меня есть для тебя работа. Не надолго. Ты продолжишь свою деятельность, и мы с твоей помощью установим твоего напарника. Ты ведь не откажешь мне в этой пустяковой просьбе?

Гриф почувствовал, как его снова бросило в жар. Непослушными пальцами он попытался ослабить узел стильного галстука и расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки.

– Кажется, это называется «перевербовка»?

– Да нет. Двойной агент ведет свою игру осознанно, а ты просто забудешь о нашем разговоре, и твоя совесть совершенно от этого не пострадает.

Хоаххин устало потер виски, а Гриф вновь упал лицом на столешницу и закатил глаза. Осторожно прикрыв за собой входную дверь, в кабинет протиснулась туша Пантелеймона. Стараясь не опрокинуть какой-нибудь профессорский шкаф, он тихонько подошел к столу.

– Пошто, барин, мальчонку мучаешь?

– Так надо. Пантелеймон, будь другом, посмотри, чтобы в коридоре никого не было, когда наш молодой специалист будет отсюда выходить, и проводи его на всякий случай в его

каюту. Ему нужно будет после нашего разговора отдохнуть и отоспаться. Важно обеспечить ему такую возможность. Никто не должен его побеспокоить как минимум до утра.

* * *

Небольшой бар дока был погружен в полутьму. Даже зеркальные полки, на которых были выставлены муляжи древних пузатых бутылок, освещались только двумя слабенькими светодиодными софитами, стилизованными под оплавленные свечи. Все потенциальные посетители либо спали, либо находились на вахте, отслеживая процессы, которые требовали непрерывного технологического цикла. Хоаххин и Пантелеймон, удобно расположившись в самом темном его углу, не торопясь, потягивали через пластиковые соломинки фитоэнергетические коктейли, которые, казалось, отличаются друг от друга только цветом. Бокал у Хоаххина в руках отливал лиловым полупрозрачным компотом, непрерывно дающим плотный осадок, если его постоянно не взбалтывать. Точно такой же бокал в руках Пантелеймона, напротив, отсвечивал зеленым, притом что все остальные его свойства были совершенно аналогичными.

– Ты знаешь, отче? Иногда я жалею, что никогда не заглядывал в голову нашему общему другу, Смотрящему на Два Мира. Чем больше я имею с ним дел, тем сильнее у меня чувство, что он всегда что-то недоговаривает.

– Ты знаешь, мой бывший послушник?.. Еще три дня тому назад я тебе, по тому же поводу, готов был надрать задницу своим старым армейским ремнем.

Пантелеймон отхлебнул еще один глоток фитококтейля и скорчил страшную рожу.

– Такая продвинутая организация, а простого зеленого чая у них в баре нет? Тебя это не настораживает, господин «инспектор»?

– Тьфу на вас!

Хоаххин осторожно, как будто пытался вытащить взрыватель из фугасной вакуумной гранаты, пошевелил своей соломинкой в бокале, поднимая и закручивая в водоворот плотный малиновый осадок.

– И все же, после того как я «поговорил» сегодня с офицером САК, успешно работающим на нашем сверхсекретном объекте, у меня сложилось стойкое ощущение, что я не исследованием занимаюсь, а играю в жмурки. Мне завязали глаза, раскрутили и дали легкого пинка, а теперь наблюдают, что из всего этого получится. Сам посуди: мы ищем тот самый корабль, появление которого возле одной из пограничных крепостей Содружества так перепугало американцев. И событие это произошло примерно полтора года назад. Эта лаборатория в доке была организована тоже полтора года назад. А ведь корабль этот уже тогда совсем не выглядел экспериментальным и очень даже неплохо функционировал. Не странно? И с чего бы это вдруг сейчас потребовалось проводить его экспериментальный полет?

– Так ты исключаешь то, что речь может идти о разных кораблях?

– В смысле о двух одинаковых...

– Вот именно так, как ты и сказал...

Хоаххин резким движением поставил бокал на столик.

– Ладно, пойду я спатеньки. Завтра нужно закончить все мои «беседы», тем более что как минимум две из них обещают быть очень интересными.

Пантелеймон, настороженно пытаясь, изымал свое тело из мягкого ложа дивана с таким расчетом, чтобы не перевернуть хрупкий прозрачный стеклопластиковый столик.

– Это какие же, позвольте узнать?

– Ну, во-первых, с напарником нашего инженера. Надеюсь, что смогу его вычислить без привлечения тяжелой артиллерии. Полагаю, он, в отличие от Грифа, кадровый офицер разведки САК. Ну и, конечно, с профессором, но это уже чисто личное...

– Дело хозяйское, а я пойду немного разомнусь в спортзал. Жутко хочется подраться, ну хоть бы и с тренировочным автоматом. Я там одного приглядел, хиленький, конечно, но все-таки армейского образца.

Хоаххин вытащил из кармана комбинезона пульт глушилки и отключил прикрывающее их поле. Двери бара с легким шелестом прощально распахнулись перед друзьями, а звукопоглощающее покрытие дорожки коридора сжалось от ужаса под тяжелыми шагами бывшего десантника Пантелеймона. Чья-то легкая тень метнулась в темноту. Хоаххин попробовал «зацепить» близлежащие «взгляды», направленные на свою персону, и, хлопнув друга по каменному плечу, зашагал в сторону своей каюты. Ничего подозрительного. Местный электрик, позвякивая ключами от силовых щитов, неторопливо направлялся в сторону технической зоны, в голове его были только длинноногие телки и цена вопроса. «Ох уж эти электрики, вечно шастают по темным углам», – подумал он, блокируя дверь изнутри дополнительным механическим замком. «Утром начнем именно с этого господина». Уже на автомате, стягивая штаны и залезая в душевую кабинку, Хоаххин подумал о том, как глупо подставилась разведка САК. Оставь они Грифу его естественную метрику, далеко не факт, что даже поверхностное сканирование его памяти вскрыло бы истинные цели его пребывания в доке. Чем ближе ложь к истине, чем проще легенда, тем выше вероятность чисто ее отработать. И ему, капитан-лейтенанту внешней разведки, это тоже когда-нибудь еще пригодится...

* * *

Поговорить с «электриком» так и не случилось. Ночью его вместе с Грифом госпитализировали с диагнозом тяжелое отравление неизвестным токсическим веществом и отправили на планетоид. Уже заходя на глиссаду порта, автоматический челнок потерял управление и шарахнулся о скалы, окружающие посадочную площадку. Спасательная капсула с пациентами была выброшена, но не вверх, а вниз... В общем, по ряду причин «электрик» и его визави оказались в списке быстро покинувших этот мир. Тела жертв катастрофы не были обнаружены. Это и понятно, горящий челнок упал прямо на обломки спасательной капсулы и долго еще горел (вот вопрос, чему там гореть?), капсула просто расплавилась. Анализ почвы под обломками челнока должен был выявить следы пепла, оставленные живыми когда-то организмами, но это не очень быстрая процедура, как минимум часов сорок восемь. Пока Хоаххин, для себя, не стал переводить ребят из САК в разряд покинувших этот мир, а остановился на формуле: «быстро покинувших лабораторию».

* * *

– А я прекрасно вас помню, молодой человек, да, прекрасно помню. Ведь в Массачусетсе никто кроме вас не задал мне ни одного вопроса. Да и вопросы были необычными. Так скажем – каверзные такие вопросы. Вы вообще, видимо, мастер вести диалог. Ни один из моих подчиненных так и не понял, что, собственно, вы хотите узнать и какова цель этой, с позволения сказать, «инспекции». Как хотите, но я вообще позволю себе усомниться, что вы имеете хоть малейшее отношение к той организации, которая столь любезно предоставила вам свои полномочия.

Профессор ловко вертел в руках какие-то маленькие гладкие цветные шарики, чем-то отдаленно напоминающие зерна четок, но визуально совершенно не связанные между собой. Он был абсолютно спокоен, видимо, этот длящийся уже второй день массовый допрос совершенно его не смущал. Как не смущала его и внешность своего собеседника, а возможно, и его способности. Вообще у саю был такой вид, что он в Рождество поймал под елкой святого Николая и собирается получить от этой встречи максимум удовольствия.

– Уважаемый наа Ранк, можете мне поверить, что с вами я беседую совершенно по другой причине, нежели беседовал с вашим персоналом. Поговорить с вами вот так, сидя напротив, я мечтал еще будучи студентом и роюсь в электронной памяти университетской библиотеки, выискивая там и собирая воедино по крохам те немногочисленные труды, которые были переведены нашими учеными на языки человеческого космоса и приобщены к анналам человеческого знания.

– Что же. Пожалуй, поверю. И о чем будем беседовать? Мне показалось, что еще в Университете вы умудрились выпотрошить из меня всю интересующую вас информацию о физике Вселенной, которая была мне доступна.

– Уверяю вас, что это не так. Мы с вами даже вскользь не затронули темы симметрии пространства-времени, если позволите, именно те темы, ради которых вы согласились на добровольное затворничество в стенах этой неприметной лаборатории и одновременно мастерской. Что же или кто сумел приковать ваше внимание, заманить сюда, предоставить безграничные ресурсы и, самое главное, образец? Образец того, о чем вы мечтали всю свою сознательную научную жизнь?

Сауо выронил два шарика и недоуменно посмотрел на остальные, которые продолжали все быстрее и быстрее мелькать между пальцами его рук.

– Боюсь, молодой человек, что вы ожидаете от меня невозможного. Я могу сколько угодно рассказывать вам про сверхтяжелые объекты вселенной, но боюсь, что это нисколько не приблизит вас к решению вопроса о том, кто же является моим нанимателем.

– А мы попробуем подойти к этой проблеме иначе. Я имею все основания полагать, что и у вас и у меня одни и те же наниматели. Вот, в частности, герцог Смотрящий на Два Мира.

Наа Ранк судорожно сглотнул, но, приложив некоторое усилие, остался внешне абсолютно спокоен.

– Имя указанной вами персоны, к моему глубокому огорчению, ни о чем мне не говорит.

Хоаххин очень не хотел лезть в мозги к профессору, прекрасно понимая, что не имеет достаточного опыта в подобных операциях с представителями его расы. И тем не менее... А может, незачем корчить здесь из себя суперагента?

– Профессор, и мое пребывание в университете, и мой теперешний визит сюда к вам, на мой взгляд, являются звеньями пока еще не понятной мне цепи событий. Но попробуйте мне поверить – и то и другое было инициировано моим учителем и другом, человеком, которого многие называют Черный Ярл.

Одно долгое, очень долгое мгновение, на которое цветные шарики зависли в воздухе над профессорской дланью, Хоаххин почувствовал, словно в него откуда-то повеяло теплым воздухом. Профессор улыбнулся.

– Логично. Только я этого человека знаю под именем мистер Корн. И если вы не будете против, я бы заранее перенаправил все ваши последующие вопросы непосредственно к нему.

Теперь настала очередь удивляться Хоаххину. Мистер Корн, наниматель? Тот факт, что Черный Ярл пользовался множеством различных имен, уже перестал удивлять Хоаххина, но вот то, что за каждым именем стояли судьбы целых эпох, то, что каждое из этих имен было столь весомым, и каждое было окутано ореолом тайны и безмерной глубины, это каждый раз выбивало почву из-под ног. Тем не менее его реакция на неожиданные откровения профессора была совершенно лишена эмоциональной окраски и не проявилась ни в перемене позы, ни в интонации голоса. Беседа продолжалась. Вернее, беседа, можно сказать, только началась...

– Задать вопрос непосредственно ему? А сколько раз такому известному человеку, как вы, удалось поговорить с вашим нанимателем? Один, два раза?

Профессор, словно нашкодивший школяр, опустил глаза.

– Вообще-то только один раз. Совсем недолго. И очень далеко отсюда. Но то, что он мне потом показал... Вы не понимаете, молодой человек, с чем вы имеете дело. Это не просто корабль, точнее, это вообще не корабль, это почти живое существо, а в чем-то гораздо более чем живое существо. Потому что для осуществления тех возможностей, которыми он обладает, невозможно быть машиной, пусть очень сложной, даже я бы сказал – идеальной машиной. Ваши литераторы постоянно применяют термин «машина времени», так вот это, скажу я вам, абсурдный термин. Я бы еще смог понять термин «машина времени-пространства», да и то с большими оговорками. Управление временем это всего лишь одна из многочисленных побочных функций этого объекта, связанная с той простой истиной, что для него не существует ни времени, ни пространства. Это трудно объяснить на словах, а на языке цифр вы меня, боюсь, не поймете. Жаль, что вы не можете посвятить свою жизнь этому феномену, поверьте, это стоит того. А самое удивительное, на что он способен, на мой взгляд, это читать и интерпретировать образы, которые генерирует наше сознание и подсознание...

Ну вот, мелькнуло в голове Хоаххина, кажется, у меня, наконец, появился родственник-конкурент.

– К сожалению, при попытке создания нами условий, позволяющих генерировать в нашем пространстве подобный экземпляр, мы не смогли добиться устойчивого результата. Но сам процесс его изучения, те беспрецедентные открытия, которые нам удалось сделать... Боюсь, что ни люди, ни Могушественные еще просто не готовы к этому...

Наа Ранк едва перевел дух, глотнул пару глотков минералки, и профессора опять понесло. Он даже не заметил, как перешел на язык Могушественных, благо это не являлось для сына офицера армии Сестер Атаки проблемой. У Хоаххина кружилась голова от того потока терминов и определений, которыми тот изобильно и ловко оперировал, так же ловко, как теперь скакали шарики в его ладони. Диалог, столь органично перешедший в лекцию, уже почти раздавил «инспектора», когда профессор скосил на него глаза, осекся и произнес финальную фразу:

– В общем, только получив доступ к изучению физики континуума внутри «черной дыры», мы могли бы приблизиться к той логике, которой руководствовались его создатели.

– Вы хотите сказать, что, как вы выразились, «флуктуация континуума пространства-времени» не может быть следствием естественных причин?

– Вот именно, только естественных, только чистый разум, не обремененный материей, способен был создать столь естественное образование.

– Мы говорим на разных языках. Но пусть его. Вы смогли смоделировать условия образования этой «флуктуации»?

– Да, конечно. И копии, однако, получаются неплохими, но, к сожалению, очень ненадолго и только копии...

– А где сейчас прототип?

– Вот этого, молодой человек, не могу знать, прототип заказчик лично извлек из ангара, да вы же туда заходили, видели пустой причал. А вот копия, копию легко создать в цеху генерации, думаю, вашего допуска хватит, для того чтобы посмотреть на этого красавца...

Если бы у Хоаххина были глаза, они бы точно вылезли у него на лоб. Ведь он лично продул мозги полусотни человек, быть не может, чтобы только профессор был допущен к работам с генерацией копии! Вот тебе, следопыт, еще одна иголка под хвост, самоуверенность – плохой помощник в работе.

* * *

– Вольно! Садись, капитан-лейтенант. Рад снова видеть тебя на «Длинном Копье», жаль только, что повод не очень располагает к парадным мероприятиям.

Капитан большого десантного рейдера контр-адмирал Сило Голодный Удав сухо, но и без особой вальяжности пожал его руку и, усевшись напротив, уставился в собственное отражение в зеркальных очках офицера разведки. В его голосе не было не только радости, о которой он упомянул в приветствии, но и какого бы то ни было энтузиазма вообще. Однако он готов был вести диалог равных, без каких-либо скидок на должностной дисбаланс.

– Я получил шифрограмму, в которой подтверждены ваши очень широкие, если не сказать слишком широкие, полномочия. В чем-то я даже признателен Совету, что для проведения служебного расследования на корабль прислали именно вас. По крайней мере, здесь началась твоя боевая карьера, здесь тебя помнят и, поверь, уважают. Я полностью отдаю себе отчет в том, какие методы ты будешь применять в ходе следствия, но надеюсь, именно эта особенность твоей физиологии позволит избежать никому не нужных ошибок и завершить это дело в самые кратчайшие сроки.

«Можешь лазить у меня в мозгах и на моем корабле сколько хочешь, но если лохнешься, я тебе этого не спущу», – перевел для себя эту короткую и очень доступно изложенную мысль Хоаххин.

– Не нужно излишне драматизировать ситуацию, господин адмирал. Это не мое, а наше с вами расследование, и я уверен, что, заручившись вашим авторитетом, мы сможем, к нашему общему удовольствию, быстро с этим закончить.

Так и не поговорив с напарником Грифа и не без оснований сочтя погибшего «электрика» именно этим напарником и кадровым офицером разведки САК, исчерпав тем самым все свои дела в системе гостеприимной звезды в созвездии Центавра, двое друзей, как и значилось в их «плане первоначальных мероприятий», утвержденных Ярлом, отправились обратно на Светлую, где уже три часа их дожидался родной для Хоаххина рейдер-стратег «Длинное Копье». Перелет был хоть и длинным, но благодаря скоростному катеру фельдгегерской службы Его Императорского Величества продлился всего трое суток. Все это время Хоаххин потратил на детальный отчет своему руководству и на дополнительное изучение того материала, которым так легко оперировал профессор наа Ранк. Подборку материала довольно оперативно сумели подготовить ребята из аналитической службы Смотрящего, за что им, безусловно, полагалось отдельное спасибо. И если, только ступив на борт рейдера, Хоаххин направился к его капитану, то отца Пантелеймона, в миру – сержанта космодесанта Оле Каменного Кулака, тут же «взяли в плен» ребята из десантной когорты.

Номером вторым в списке объектов для посещения следственной группы «Длинное Копье» оказался в силу того факта, что именно на рейдере «Черную Сферу» доставили к месту, предназначенному для проведения испытаний. Вернее, как раз-таки не доставили... И «исчез», или, может, куда стартовал этот странный корабль прямо из утробы маточной палубы рейдера. Причем никто из экипажа рейдера в отсутствии не значился, но все службы косились на десантную когорту, под опекой которой и находились все пришвартованные там десантные корабли. Подходы к шлюзу и магнитным якорям злосчастного причала были блокированы силовыми щитами с характерной фосфоресцирующей в темноте надписью «Не подходи!».

– Да их никто специально здесь и не ставил, поставили еще до швартовки «Сферы», а потом только активировали, и все, так с тех пор и стоят, допуска ни у кого нет их отключить.

Хоаххин в сопровождении командира десантной когорты, капитана третьего ранга Эндрю Золотого Ятагана, вплотную подошел к щитам и сквозь свою серую чешую почувствовал легкое покалывание, первый признак приближения к заблокированной зоне.

– Так как же вы определили момент ее исчезновения?

Хоаххин еще раз провел ладонью над панелью щитов, и та отозвалась рингтоном подтверждения допуска к объекту.

– Как только вышли из прыжка, магнитные якоря причала показали отсутствие помех, плюс падение давления в отсеке, мы, конечно, сразу туда широкими скачками. Включили переносные прожектора, а сферы нету. Удав меня чуть не порвал! Провели перекличку – наши все на месте. БИУС подтвердила сто процентов экипажа на боевых постах и в компенсаторах. Вот такая катавасия у нас. Лично я думаю, что либо у него автопилот проснулся, либо дистанционно этот корабль может управляться. А Удав уперся как баран в версию с банальным угоном. Не верит он в то, что можно корабль отшвартовать, не отключая якоря, и вывести из маточной палубы на «воздух» через ее закрытые створы.

Проводить персональный опрос каждого бойца здесь, на рейдере, в поисках шпионов было совершенно бессмысленно. Дети Гнева не припомнили бы случая проникновения на свой рейдер посторонних, а искать предателя было еще большей паранойей в духе старинных боевиков. После случая с графом Северо даже рядовые бойцы шестого флота проходили ежегодную биоидентификацию. Тем более что провести операцию с подменой было под силу только Могушественным, ну и, конечно, не за такой короткий срок, как один-два земных месяца.

После глубокого разочарования методами работы САК по внедрению агентуры в лабораторно-исследовательский док к профессору наа Ранку Хоаххин все больше склонялся к мысли, что если и была злокозненная воля во всей этой чехарде с появлениями и исчезновениями «Черной Сферы», то единственной силой, способной организовать и осуществить подобные гадости, оставались исключительно Алые Князья. Но тогда остается признать, что этот корабль является их детищем и искать концы нужно по ту сторону баррикад, а вот этого очень бы не хотелось. Что-то подсказывало Хоаххину, последнее допущение является ложным, но это «что-то» было таким маленьким, таким хрупким и, мало того, еще и загоняло его рассуждения в совершенно глухой тупик.

* * *

Обнаружить свою «силовую поддержку» на рейдере для Хоаххина не составило большого труда. Еще на подходе к спортзалу Хоаххин услышал раздающиеся оттуда характерные глухие удары тяжелых тел об упругий пластик. Пантелеймон не мог себе отказать в хорошей потасовке, тем более спарринг с тренажерами практически всегда заканчивался их ремонтом или чаще полной утилизацией. Но застать Пантелеймона в столь плачевном положении Хоаххин никак не предполагал. Дюжий десантник, явно тренированный на более современных приемах боя, кружил вокруг святого отца, с завидной периодичностью отвешивая ему тяжелые тумачи. Несмотря на эту странность, Пантелеймон, казалось, был счастлив как дитя, которого родители забыли в упаковочном цехе на шоколадной фабрике. Однако подобный ход событий никак не мог устроить его бывшего ученика. Авторитет школы Храма Веры требовал немедленного вмешательства. Хоаххин тихонько присел в сторонке от разгорающегося сражения, которое полностью поглотило внимание присутствующей десантуры, и переключился на «взгляды» соперников. Очередная атака дюжего провалилась в пустоту, вслед за ней он получил пару увесистых тычков в голову и только после этого до него стало доходить, что рисунок боя неуловимо изменился. Попытка ускориться ни к чему не привела, теперь Пантелеймон, казалось, на два-три хода вперед угадывал тактическую завязку своего противника и отвечал простыми, но очень эффективными ударами в голову, в корпус, в пах, в колени... Пять минут, и дюжий рухнул на тренировочный мат, хорошенько приложившись об пол подбородком. Десантура, под яростное завывание и улюлюканье, раскачивала обессиленного Пантелеймона и подкидывала его под потолок, не всегда, впрочем, успевая вовремя поймать. Наконец, он выполз из ликующей кучи и, тяжело пыхтя, на четвереньках заполз в тот же угол, в котором его дожидался Хоаххин.

- Уф! Хорошо! А ты пришел и все испортил. Теперь парень сочтет себя слабаком.
- Не сочтет. Если не слабак.

Мичман, чья двадцатка в этот момент и разминалась в зале, придя в себя от восторга и боевого азарта, разглядел в уголке Хоаххина и, на ходу поправляя спортивный костюм, низко гаркнул:

- Господа десантники!

Дети Гнева, ошарашенные тем, что прозевали гостя, шустро построились в шеренгу по два и вытянулись вместе со своим командиром по стойке «смирно».

Хоаххин вынужден был вскочить на ноги и, вскинув руку в боевом приветствии, не менее лихо гаркнуть:

- Вольно! Разойдись!

И уже более цивилизованно обращаясь к мичману:

– Вы что тут, за три года озверели совсем, на каждого офицера навтыжку кидаться? Сижу в углу, никого не трогаю...

– Ну, дык, не на каждого. Вон ваша фотка с георгиевской лентой в комнате славы висит, каждый день мимо ходим и честь отдаем, а тут вон живой герой.

Пантелеймон, хищно скалясь в углу и пытаясь перенести вес тела с задницы на корточки, не удержался от умиляющей патетики и хриплым голосом тут же предложил:

- А слабо герою по горбу наkostenить?!

Из толпы, делающей вид, что десантники перешли к гимнастической части тренировки, вырвался дружный хор как минимум десятка луженых глотков:

- А что? Можно?

Хоаххин вздохнул, показал святому отцу кулак и протянул ему свои очки.

* * *

Хорошо «размятый» каплей в обнимку с прихрамывающим Пантелеймоном выбрались из-под контрастного душа и растирались полотенцами в раздевалке.

- В хорошей форме ребята. Хоть сейчас «троллей» гонять и в хвост и в гриву.

Хоаххин, ловко поддевая пальцами ноги махровые носки, ловил их в воздухе и натягивал на серую чешую ступней.

– Да «троллям» этого на фиг не надо. Ну и господин офицер тоже ничего еще, любому десантнику наваяет. Я уж думал, что за бумажной работой да за партой раскисли все твои боевые навыки, ан нет, не раскисли. Пойдем-ка на камбуз, чайку махнем, ребята меня уже угощали, отменный у них чаек.

На камбуз попали как раз к окончанию ужина третьей, последней смены. Бойцы стайками расходились, освобождая места за столиками, и лишь несколько офицеров десантной когорты издали помахали им руками, продолжив тихо переговариваться в быстро наступающей тишине и потягивать горячий ароматный напиток. Друзья не стали углубляться в дебри опустевших столов и присели недалеко от входа. Автоматическая доставка, распахнув свое жерло по центру столика, выложила на него аккуратный чайничек и два граненых бокала в металлических подставках, точно такие же, какие использовались Пантелеймоном в пещере Храма, а также несколько сочных бутербродов с колбасой и сыром.

– Нечего нам тут, командир, делать. А то только своим присутствием воду мутим и народ страшаем. Парни рассказывают, что за последние три с половиной года, как раз опосля гибели всей твоей двадцатки, Удав гайки закрутил так, что корабль работает как швейцарские часы. Сам знаешь, раньше устав не сильно чествовали, а сейчас все по струнке ходят. Так за все это время ни одного инцидента с гибелью бойцов. Хотя всякое было, и донов гоняли, и со «Скорпионами» цапались.

– Народ здесь не из пугливых. То, что команда не при делах, это соглашусь, а вот то, что делать нечего, это ты перестань. Есть у меня некоторые мысли. Вот только нужно посоветоваться со специалистами и руководством. Так что извини, я к связистам пойду, а там видно будет.

Коверкая слова из-за бутерброда, никак не желавшего пролезать в желудок, Хоаххин посматривал через сенсоры зеркальных очков на занятого тем же делом, но с гораздо более успешным результатом Пантелеймона. Судя по совершенно безоблачному выражению его морды, спарринги с десантурой немного развеяли его тоску в связи с отсутствием необходимости выполнять свои прямые обязанности по силовому прикрытию напарника.

* * *

– Эй, милейший, еще пару кружечек мне и моему мальчику!

Небольшая автоматическая тележка робота на раздаче метнулась к стойке бара. Джерри, облокотившись на спинку тяжелой кабацкой скамьи, с удовольствием распрямил ноги, вытягивая их под стол.

– А что тут такого? Что тебя смущает-то? Всякая голытьба подзаборная тебе аванс в полмиллиона цветастых фантиков на счет кидать не станет, а будет зубы заговаривать про светлое будущее и шикарные перспективы. А такой подход мне нравится. Тридцать процентов предоплаты! Жестко оговоренные условия сделки! Гарантия сохранности корабля!

– Понимаешь, Мышь, мне не нравятся клиенты двух типов. Первый, это очень жадные или бедные клиенты, а второй, это очень богатые или очень щедрые клиенты.

Том, слегка придерживая пальцами одной руки торчащие во все стороны клочья своей черной бороды, сдувал пену с бокала «баварского», а ладонью другой придерживал тяжелый эфес длинного абордажного клинка, типичного оружия свободного дона, оружия, которое отличало почти каждого первого из посетителей бара «Манки» на Траболте, самом крупном астероиде на внешних орбитах Нью-Оклахомы.

С того памятного момента прощания с отчаянным «слепым» десантником Детей Гнева, покрытым жесткой серой чешуей, которого они обгорелым вытащили из холодной пустоты космоса, а потом и из холодной пустоты смерти и который отплатил им сторицей, капитаны здорово поправили свои дела. Обустроили свой «тягач», прикупили все необходимые лицензии и ходили на нем в дальнобой между конгломератами на совершенно легальных основаниях. Разборка с контрабандистами покрыла их неувыдаемой славой суровых бойцов, и больше к ним с неприличными предложениями никто не приставал. Последние два с половиной года постоянные клиенты рвали их на части. Они даже начали забывать голодные времена и вечное безденежье, а Джерри наел себе небольшое брюшко.

– Том, я же повторяю, все легально, пора уже вставать на торный путь работы с крупными транссистемными операторами. Пора расширять парк и тоннаж. Времена меняются. Да за такое предложение три года назад мы бы уцепились руками и ногами. Что ты уперся как тупой шелудивый ослик?

– Сам ты ослик! Не нужно дразнить судьбу, гоняться за журавлями. Как показывает мой личный, то есть самый верный и, к сожалению, кровавый опыт, эти журавли частенько поворачиваются к тебе страшной зубастой крысиной мордой! Эй, милейший! Еще по кружечке, порцию чесночных гренков и счет, будьте так любезны!

Джерри ловко, кончиками пальцев, выхватил из своего толстого, сшитого из натуральной бычьей кожи портмоне яркую визитку нанимателя.

– Давай ты сам пообщаешься с этими милыми «крысиными мордами», их штаб-квартира расположена в Супер-Сити на Нью-Вашингтон. Потом мы вместе слетаем туда на пару дней, развеемся, посмотрим историю и активы этой компании в любом понравившемся тебе

адвокатском бюро, полистаем их долгосрочные тендеры, пообщаемся с их постоянными партнерами...

– Хорошо. Но имей в виду, если будет хоть одна малейшая накладка, я умываю руки! А если ты будешь продолжать дудеть в свою дуду, разделим бизнес!

– ОК, но я уверен, что до этого не дойдет.

Капитаны, слегка нахохлившись, допивали свое легкое светлое, а Том похрустывал гренками. Желание сходить после бара на файер-шоу в соседнюю забегаловку, больше напоминающую приватный публичный дом, рассеялось вместе с размовкой. Такое у них бывало не часто. Но бывало.

Новый клиент нарисовался неожиданно и серьезно. Электронные письма и вслед за ними письма «живые», доставленные прямо в руки скоростной межсистемной экспресс-доставкой с уже готовым и заверенным в одном известном и уважаемом нотариальном бюро текстом договора. Полмиллиона САК-долларов упали на их общий лицевой банковский счет, с условием вернуть предоплату в случае отказа от предлагаемой работы. Все это действительно немного смущало людей, привыкших за каждый цент расплачиваться своим горбом, а иногда и кровью. А что, собственно, заказчик от них хотел? В их обязанности входило в составе довольно большого эскорта встретить груз в нейтральном секторе ничейного пространства и сопроводить его в доки Нью-Оклахомского международного грузового таможенного терминала для проведения всех необходимых в таких случаях формальных процедур. Причем на время исполнения этих обязательств наниматель предоставлял собственные совершенно новые корабли класса «корвет» и поэтому подбирали опытные команды, которые активно используют на данный момент корабли именно такого класса.

Джерри выплюнул на стол зубочистку и, бросив на Тома печальный взгляд, поднялся на ноги.

– Пойдем, бродяга. Никогда я тебя не брошу, понял? Бороду вытри.

* * *

Герцог Смотрящий на Два Мира, или, как называли его Дети Гнева, – Старейший, несмотря на свою всестороннюю кипучую деятельность, всегда оставался яростным поборником всепоглощающего порядка. А посему очень негативно относился ко всякого рода форс-мажорам и сверхсрочным ночным звонкам. На его прямой линии всегда сидел, казалось, вечно не спящий секретарь, чей монотонный голос и совершенно отстраненное выражение лица многие путали с автоматическим автоответчиком и совершенно неучтиво принимались наговаривать свои сообщения еще до того, как тот завершит свою ритуально приветственную фразу. Так что застать старика врасплох можно было, только воспользовавшись закрытой линией, линией для посвященных.

– Доброй ночи, ваша светлость. Простите, что вынужден потревожить вас в столь неурочный час...

Смотрящий, в шелковой белой ночной рубашке до пяток, с кружевным воротничком ручной работы и в вязаных шерстяных носках, больше походил на милого розовощекого рогатого старичка с небольшими крылышками за спиной, нежели на крупного теневого международного деятеля, обладающего властью, простирающейся далеко за пределы человеческого космоса.

– Послушайте, Хоаххин, если вы разбудили меня исключительно для того, чтобы продемонстрировать свои успехи в изучении дворцового этикета, тогда я попрошу секретаря все последующие сутки будить вас своими звонками каждые полтора часа и заставлять вас выслушивать всякую белиберду.

– Надеюсь, что до этого не дойдет. Я уверен, что знаю, где, когда и как была утеряна «Черная Сфера».

Глаза старейшего, мгновенно сфокусировавшись, стали похожи на два лазерных буравчика, готовых в любой момент пронзить собеседника насквозь.

– И вам нужно срочно попасть в это место?

– Да!

– Имперский курьер все еще пришвартован к рейдеру?

– Да!

– Я сейчас же отправляю на него согласование на свободное использование. Со стороны Совета Адмиралов Сило в течение получаса получит приказ двигаться вслед за вами. Кстати, куда это?

– Нейтральная зона, расположенная как в стороне от секторов влияния людей и Могуущественных, так и в стороне от пограничья. Именно там, куда изначально «Сфера» и транспортировалась.

– Восхитительно. Ну а пока будете догонять на курьере вчерашний день, будьте любезны составить внятный (такой, чтоб я понял) отчет о том, что на вас навеяло эту вашу незыблемую уверенность.

– Будет проще, если я отправлю вам запись нашей последней беседы с профессором?!

– Будьте так любезны... И да! Хоаххин, вынужден вас огорчить... В образцах грунта, взятых на планетоиде в системе альфы Центавра, обнаружены следы остатков только одного из двух пациентов, и это, к сожалению, не «электрик». Полагаю, вы поняли, о чем я. Надеюсь еще увидеть вас живым и здоровым.

Последнюю фразу герцог произнес в гораздо более мягких и теплых интонациях, возможно, именно к этому моменту он окончательно проснулся, а возможно, понял, что его собеседник сам не спал уже как минимум тридцать часов.

Связь прервалась, и Смотрящий подумал, что неплохо бы умыться и выпить чего-нибудь тонизирующего, тихо постучав по толстой столешнице указательным пальцем, он тут же услышал голос вездесущего секретаря:

– Ничего новомодного, немного кофеина и таурина? Как всегда, в виде фруктового коктейля?

– Давайте.

И зашаркал в туалетную залу.

Запись беседы уже была полностью перенесена в индивидуальное псевдокристаллическое облако, а коктейль, стоявший в полумраке на серебряном подносе, напоминал северное сияние, кем-то ловко спрятанное за стенки из тонкого стекла. Герцог, уже в шортах и просторной рубашке, вновь усевшись в свое кресло, кинул соломинку в бокал и пододвинул коммуникатор к центру столешницы.

«— Профессор, несмотря на приближающееся утро в вашей системе, постарайтесь сосредоточиться, не перебивать меня и давать по возможности короткие и полные ответы на мои вопросы. При нашей последней встрече вы убеждали меня в том, что перемещение сферы в континууме не просто основано на других принципах, но и совершенно противоположно нашему пониманию движения. Наши корабли движутся в пространстве, а время всегда течет для них в одном направлении, быстрее или медленнее, это исходя из общей теории относительности и свойств пространства, в котором происходит разгон и торможение, и подпространства, в котором скорость всех объектов одинакова. «Сфера» же движется во времени и в двух из трех пространственных измерений, причем третье, пространственное измерение, для этого корабля, в этот момент, так же как и время для нас, движется так же только в одном направлении?

– Да, вроде смысл моих рассуждений передан верно...

– По этой причине при прибытии в точку – время назначения – «Сфере», так же как и нашему обычному кораблю, требуется торможение, по аналогии, или синхронизация с текущим потоком времени в нашем измерении?

– Да, только стоит отметить, что если торможение – это исключительно снижение относительной скорости, то темпоральная синхронизация может иметь как положительное, так и отрицательное ускорение.

– Спасибо за дополнение. Давайте рассмотрим практический пример возможных флуктуаций, построенных на этой теории. Два корабля, один наш, другой «Сфера», одновременно, но каждый своим способом движутся из точки «А» пространства в точку «Б» его же. Наш корабль совершает классический разгон и ныряет в подпространство, «Сфера» начинает разгон во времени, дальше мы можем только предполагать, что есть такое «подвремя». Выходя из подпространства, наш корабль начинает торможение в пространстве, а «Сфера» начинает синхронизироваться во времени. Так?

– Вы, молодой человек, постоянно упускаете из виду очень иногда важные детали: обычный корабль в процессе разгона и торможения, в соответствии с теорией вашего же авторитета господина Эйнштейна, движется во времени с отличной от инерционного наблюдателя скоростью, это ведь он первым упомянул об эффекте различной скорости старения близнецов. Так вот, в зависимости от свойств современного, я полагаю, военного корабля, его индивидуальное время будет отличаться от общепринятого как минимум на двадцать-тридцать часов. А «Сфера» прибывает в точку «Б» строго в заданное при постановке задачи перед ее стартом время.

– А если при старте координаты вообще не были установлены?

– Тогда и старта никакого не будет.

– А если «Сфера» выходит из подпространства в качестве груза?

Профессор сауо опустил маленькие ушки вниз (по-нашему «развесил уши») и крикнул. То есть сделал это в самом прямом смысле из всех возможных, издав кратковременный сдавленный гортанный звук.

– Думаю, что его создателям даже в голову, или что там у них было вместо нее, не могло прийти, что этот корабль будут использовать в качестве груза. Да он в нашем понимании и не весит-то ничего...

– Профессор...

– Ладно, ладно... Скорее всего, с точки зрения нашей трехкоординатной метрики, «Сфера» останется в месте выхода из подпространства, но будет синхронизирована в последнюю стабильную, то есть ту же скорость течения времени, что и до момента старта кораблей. А это значит, что...

– Что?..

– ...что «груз» отстанет по времени от «буксира» как раз на релятивистскую временную поправку, а капитан буксира будет очень удивлен, прибыв в точку назначения пустым...

* * *

Все когда-то бывает в нашей жизни в первый раз. И вот теперь Хоаххин первый раз в жизни услышал от святого отца такую неприемлемую для его сана тираду на чисто русском диалекте, что даже не сразу понял, что так «разволновало» батюшку.

– Мать вашу, ядерный корень, охренели они все...

Только благодаря тому факту, что курьер из прыжка не вышел, а скорее выпрыгнул, как чистокровный арабский жеребец, выпущенные ему наперехват пять самонаводящихся плутониевых торпед, рассчитанных, впрочем, на более тяжелые и медленные боевые цели, сде-

тониrowали друг о друга всего-то милях в двухстах за кормой корабля, изрядно подпалив ему хвостовую радарную решетку. Капля так вдавило в компенсатор, что он готов был потом поклясться, что видел собственный позвоночник с плотно размазанными по нему внутренностями. Курьер менял вектора, словно пуля со смещенным центром тяжести, попавшая в силиконовый манекен. Батюшка, продолжая материться, был похож на бульдозер, машущий перед мерцающим от перегрузок голографическим пультом корабля огромным ковшом своего кулака, продолжая задавать траекторию выхода из-под перекрестного огня трех- и четырехлучевых орудий, бивших почти в упор.

– Что это за сволочи такие, в рот им компот...

– Справа четыре «Скорпиона» плюс один факел от него же, слева пятнадцать легких корветов и четыре факела, похоже, у них уже было время провести переговоры и принять единственно верное решение.

– Какое?..

– Хреначить друг по другу из всего, что есть у них в ассортименте... И они идут друг на друга атакующими ордерами... И мы, блин, между ними... Ты куда, жопа клыкастая, рулишь...

– Как раз рулю отсюда, все равно куда...

Мерцающий то тут, то там, словно шустрая навозная муха, курьер, к вящей радости его экипажа, был-таки, видимо, переведен БИУСами атакующих друг друга кораблей во второстепенные цели. Произошло это то ли по причине малого веса, то ли по причине того, что он был не вооружен и не произвел до сих пор еще ни одного выстрела, то ли по причине исключительно пораженческого курса в сторону от этой свалки. Еще четыре корвета и один «Скорпион» отвалили, разваливаясь на части и дымя в окружающую пустоту.

– Это доны. Корветы у них совсем новенькие, что для них странно, но это их стиль. Смотри, идут клиньями, прикрывая десантные корабли. Постоянно перестраиваются, выдвигая вперед наименее поврежденные единицы. Сейчас самое интересное начнется.

– Рубилово сейчас начнется...

– Точно, доны хоть и бодяжники, но все лучше краснорожих, выходи с ними на связь, будем помогать.

– У нас вроде другая задача была, не помнишь?

– Задача вещь хорошая, когда ты жив, поэтому сейчас лучше донам помочь, ну?

– Давай, разворачивайся.

Большой экспедиционный экран ожил, и одурающая красота точеной алой фигуры, прикрытой, словно длиннополым плащом, слегка подрагивающими изящными крыльями, заполнила половину рубки крохотного экспресса:

– Господа, я полагаю, передо мной не вооруженный скоростной катер, принадлежащий флоту Российской империи?

«Проститутки, – подумал Штирлиц...» Хоаххин аж поперхнулся от такого очевидного вывода Могушественного Алого Князя.

– У нас нет претензий к Империи или к ее Великому Императору, мы приносим свои извинения в связи с неспровоцированной атакой на ваш корабль с нашей стороны и приветствуем решение вашего капитана покинуть этот сектор пространства ради безопасности вашего экипажа.

Вторая сторона экрана засветилась бледно-голубым свечением, Хоаххин перевел систему внешней связи в режим телеконференции, и второй входящий сигнал тут же отобразился на его освещенной поверхности...

– Ну точно! Доны!

Пантелеймон тихо хрюкнул и заткнулся. На второй половине экрана нарисовалась растрепанная голова, не то вся покрытая пеплом от какой-то сгоревшей субстанции, не то

порошком противопожарной системы, голова имела так же растопыренную и частично опаленную бороду. Между волосами на голове и бородой высывался мощный с горбинкой нос и два горящих ненавистью глаза. Голова что-то кричала в пространство экрана, но звук появился только через пару секунд.

— ...суки краснорожие, хрен вам чего обломится! Двоих сожгли и остальных поджарим... одна вам дорога, жопой на кол!..

Это был Черный Кот Том. И все бы ничего, но за его орущей рожей, на втором плане, чуть в глубине помещения передающего сигнал корабля, Хоаххин уверенно разглядел лицо «погибшего» на днях «электрика», лицо, которое он хорошо запомнил, разглядывая личное дело последнего сотрудника лаборатории, с которым ему так и не случилось пообщаться. Только теперь он был в тяжелом боевом десантном скафандре без опознавательных знаков и, судя по постоянной жестикуляции, непрерывно отдавал приказы... В этот момент что-то нехорошее прилетело прямо в рубку флагманского корвета, экран затуманился, и под лязгающий грохот и чей-то обезумевший рев связь прервалась...

— Эвон как повернулось. Боюсь, с донами у нас не срастется. Что-то они не настроены на конструктивный диалог.

Взять под контроль одну из сторон и помочь ей в борьбе против... против кого, против чего? Не вариант.

* * *

Десятиметровая «Черная Сфера» не без проблем проходила через силовую решетку грузового пандуса «Скорпиона», да и то только после его частичного демонтажа, а единственным возможным местом ее хранения могла быть вторая грузовая палуба. Поэтому, имея неплохой опыт управления стандартным кораблем Могущественных, Хоаххин прекрасно понимал, где искать свою «потерю». Понимая также, что времени на «поиски» остается всего ничего, каплей, предоставив Пантелеймону уворачиваться от шальных залпов, пытался использовать его с максимально возможной пользой, рассматривая поле боя и внутренности «Скорпионов» глазами его экипажа. Мелькание клинков, отрубленные конечности, развороченные шлюзы внутренних коридоров, чавкающее чьей-то кровью рыло подышающего казгарота и вот, наконец, вторая палуба, он не ошибся. Алый не стал рисковать и пилотировать «Сферу» отдельно от своей эскадры, возможно, он просто не умел этого делать, но что будет, если он умеет и по какой-то причине передумает?

После того как количество боеспособных корветов сократилось до трех, а все еще не разрушенных кораблей Алого Князя до одного, причем произошло это буквально в течение десяти минут после прекращения сеанса связи, вопрос «куда бечь» полностью потерял свою актуальность. Последним залпом «Скорпион», воспользовавшись тем обстоятельством, что по его броне, словно блохи, скакали абордажные команды донов и потому полумертвые корветы прекратили пальбу, разнес в пух еще один, уже лишившийся защитного поля корабль. Два же оставшихся так и продолжали висеть перед внезапно замолчавшими пушками своего врага, не в силах уже ни маневрировать, ни удирать.

— Эх, сюда бы сейчас «Длинное Копье», вот была бы потеха.

— Даже не рассчитывай, минимальная задержка рейдера составит как минимум часов пятьдесят, так что помогать будет уже некому.

Магнитные присоски башмаков легких скафандров, шлепая по бронированной обшивке «Скорпиона», передавали вибрацию корпуса корабля до самых кончиков пальцев облаченных в них друзей. Дырок, именно дырок, с рваными краями и загнутым в разные стороны листовым металлом было больше чем достаточно, третья десантная палуба была пуста, только в наушниках скафандров на чужих частотах раздавались редкие стоны и всхлипы

раненых. Лифт, ведущий вниз, на вторую палубу, был разворочен взрывом, а из лифтовой шахты валил черный дым, очень мешающий ориентироваться в и без того темном пространстве корабля. Соседняя аварийно-техническая шахта пострадала меньше, и бойцы, цепляясь за техническую арматуру, торчащую из ее стен, пользуясь отсутствием гравитации, быстро спланировали на нижний уровень. Лишь перед самым люком Хоаххин немного притормозил и отпрянул вглубь уходившего дальше вниз пустого черного колодца. Люк распахнулся. Молниеносное движение каплея, и охранник-«тролль», высунувший в шахту шлем своего боевого скафандра, с разбитым забралом и торчащим из него штурмовым тесаком, по инерции продолжил плавное и молчаливое движение в глубину шахты.

На палубе царил полумрак. Гравитация в три четверти нормальной позволила отключить магниты на ботинках. «Троллей»-охранников оставалось еще девятéro, они столпились у центрального пандуса палубы, тревожно вслушиваясь в тяжелые гулкие удары, раздававшиеся с той стороны. «Сфера» располагалась в центре помещения, зафиксированная тремя механическими замками с натянутой сверху тонкой вольфрамовой сеткой, генерирующей неизвестное бойцам силовое поле. Хоаххин «контролировал» охранников, поэтому, не особенно остерегаясь, двинулся прямо к своей цели. В этот момент двадцатидюймовые стальные ворота пандуса, словно разрезанные на несколько равных пластилиновых пластин, калеча «троллей», влетели внутрь ангара, а на всех возможных частотах раздался дикий, ни с чем не сравнимый рев. Алый Князь, все тело которого было покрыто рваными рубцами, а вместо левого крыла из-за плеча торчал короткий обломок келемитовой кости, ввалился внутрь. На нем, вцепившись руками в рукоятку длинного кинжала, торчащего из колена правой ноги Князя, матовый серый клинок которого однозначно указывал на его келемитовое происхождение, висело то, что когда-то было «электриком». Точнее, только его верхняя половина без скафандра с вываливающимися на пол лохмотьями потрохов. Алый же неумолимо двигался вперед к «Сфере», по ходу пытаясь сбить с себя правым крылом останки поверженного врага. За его спиной на полу шлюза все еще шевелилось человеческое тело, облаченное в тяжелый боевой штурм-скафандр.

– Видишь, куда ползет этот гад?

– Хочет уйти на корабле.

– Шансов у нас мало, но попробовать стоит...

Оба бойца, вскинув тяжелые алебарды, заимствованные у коченеющих «троллей», кинулись на Могущественного. Классический стиль Пантелеймона – отвлекая и бей – не то чтобы совсем не сработал. Алый Повелитель уже почти дотянулся рукой до поверхности «Сферы», и от этого тень блаженной улыбки пробежала по его совершенному лицу, как вдруг алебарда ударила ему в бок и отскочила, словно соломенная тростинка, столкнувшись с танковой броней. Князь дернулся, на сотую долю секунды потеряв интерес к «Сфере» и подсек нападающего ударом когтистого крыла. Пантелеймона отбросило в сторону бокового лаза, которым так удачно воспользовались они с Хоаххином. Пролетев метров сто, он треснулся шлемом о стенку ангара, тут же вскочил на ноги и опять пошел в атаку. Алый, казалось, совсем не рассчитывал на такую живучесть нового противника. Подобравшись и выставив вперед келемитовый коготь, он повернулся навстречу бегущему Пантелеймону. В этот момент не нападавший до поры Хоаххин, ускорив до предела собственное ощущение времени и чувствуя, как хрустит собственная чешуя на спине, боковым замахом нанес своей алебардой хлесткий удар по лицу противника. Лезвие алебарды брызнуло во все стороны металлическими осколками. Хоаххин видел, как эти осколки медленно двигаются, разлетаясь в окружающем вакууме, а голова Алого с гораздо большей скоростью поворачивается в его сторону. Именно этого и добивался каплей. Десантный тесак, совершая встречное движение относительно поворота головы Князя, по самую рукоятку вонзился в его левый глаз.

Алый Повелитель ревел так, как будто ему приснился кошмар, в котором вся его Аала сдается в плен «диким». Хорошо, что отсутствие атмосферы в ангаре не позволяло слышать этот крик в обычном диапазоне. Крыло Князя импульсивно дернулось замахом вниз, и тело в коротком прыжке взметнулось под пятнадцатиметровый потолок ангара и грохнулось обратно, сотрясая все вокруг себя. Остатки «электрика» вместе с выпавшим из раны в колене кинжалом, наконец, отвалились от него и были отброшены к массивным замкам, над которыми возвышался черный корпус загадочного корабля. Пантелеймона опять унесло к стенке. Хоаххин был безоружен. И в этот момент он решился на отчаянный шаг. Его сознание столкнулось с сознанием Алого Господина.

* * *

– Где я?

Хоаххин попытался пошевелить головой и понял, что шлем скафандра снят, а ему в рот, расплескиваясь на лоб и затекая за шиворот, вливается струйка холодной воды. Он видел глазами Пантелеймона термофлягу, зажатую в когтистых лапах товарища, и собственное тело, висящее в ярко-белой пустоте, легкая гравитация, голова немного кружится, и тошнота подступает к горлу.

– Чтоб я знал, где ты. Эта алая зверюга, видимо, активировала корабль к старту, и на твой вопрос я смогу ответить, только когда мы, наконец, остановимся.

Хоаххин приподнялся на локтях и сумел принять вертикальное положение.

– Сколько я был в отключке?

– По моим ощущениям, около получаса. Да ты не дергайся, Алый с нами не полетел, сошел в последний момент... У него билета с собой не оказалось, зато за мной лежит тело, причем, кажется, живое, того самого контролера, который проверял тут билеты. Хочешь посмотреть?

Святой отец повернул голову, чтобы Хоаххину было удобнее разглядеть того самого, дона Тома, так же как и он сам, со снятым шлемом, бледное скуластое лицо, покрытое густой черной обожженной бородой...

– Вот пути господни... он жив?

– Ага, живее всех живых. У тебя что, в ушах звенит? Не слышишь, как он там носом хлюпает? Хорошо тебя приложило.

– Так это он там корчился в коридоре?

– Корчился, корчился, а потом выполз откуда-то из-под причального захвата да как шарахнул из плазмобоя по Алому Князю.

– Из плазмобоя?

– Ну да. Не попал, конечно. Зато тебя спас. Князь, видно, когда с перепугу тебя отшвырнул, попал тобой аккурат в «Черную Сферу». А я только и успел сам запрыгнуть, ну и этого за собой за шиворот закинуть. Последнее, что я краем глаза увидел, это как силовой каркас «Скорпиона» складывается и рвет нашего Могущественного на части, пусть пространство будет ему пухом. Это длилось-то всего четверть секунды. Потом оболочка совсем помутнела, и мы, по ходу, стартовали. А может, и не стартовали. Просто с тех пор этот твой Кот хлюпает что-то себе под нос, как младенец, а я тебе массаж делаю. Между прочим, пока даже не за спасибо, а на чистом энтузиазме.

Хоаххин опять прилег, расслабился и попытался вспомнить то, что произошло с ним, точнее, с его сознанием, когда оно столкнулось с сознанием Алого Князя.

* * *

Вы можете представить себе сознание идеального бойца как сплав ледяной расчетливости и огнедышащей ненависти к противнику, презрения к боли, уважения к смерти и безудержного стремления к жизни... Этот ураган, захватив в свои объятия, способен разрушить все на своем пути. И нет такой силы, которая способна ему противостоять. Натиск этой стихии вырывает деревья с корнем и кружит их в хороводе битвы до тех пор, пока от них не останутся одни щепки. Попробуйте встать у него на пути, как те, первые с проклятой планеты Зоврос, и вы, если успеете, в полной мере оцените сказанные выше слова...

Хоаххин вспомнил пламя, не языки и не лепестки ночного костра, он вспомнил пламя гудящего горна, в котором стальной клинок плавится как детский пластилин. Хоаххин вспомнил ледяную тяжесть пустоты. И еще он вспомнил лица, прекраснее которых не может быть на этом свете, потому что эти лица создал Творец. Их было много, как тогда в пещере Храма Изгнания, в котором проходила малая Аала Фиолетовых. Но тогда они смотрели на него сверху. А теперь в подсознании истекающего черной кровью, но не побежденного и не сломленного бойца они смотрели на него в упор. Молча, с какой-то отрешенностью и любопытством. Так смотрят на таракана, выползающего из щели, хозяева дома, которые только три дня назад провели полную дезинфекцию своего жилья и сами чуть не отдали концы, сполна надышавшись отравой, которую они сами изобрели и применили.

Прямо перед сыном Детей Гнева стоял Несущий Весть, и глаза в глаза мертвец и его слепой убийца «смотрели» друг на друга. Это длилось лишь мгновение. Несущий Весть кивнул кому-то изящной головой, увенчанной сплетенными между собой поблескивающими келемитом рогами. И весь окружающий его огонь и лед, неожиданно слившись в воронку ревающего вихря, устремились на Хоаххина и ударили ему в грудь. Странно, что он не упал замертво, даже не пошевелился. Воронка пробила его тело насквозь и окутала множеством осколков его самого, перемешанного с чем-то чужеродным и непостижимым. Сверкающие капельки замороженных кристаллов, словно миниатюрная вселенная, вертелись в маленьких водоворотах, прилипали друг к другу, сливаясь, брызгали в стороны разноцветными искрами, и из этого месива вдруг отчетливо проступили очертания его собственного лица. Очертания Могущественных потускнели, превратившись в серую, застилающую далекий горизонт мглу. А сам Хоаххин, казалось, стал так огромен, что для того, чтобы рассмотреть отдельные звезды и их скопления, из которых он состоял, приходилось из всех сил всматриваться в свои собственные внутренности, раздвигая ладонями газопылевые облака, застилающие обзор...

* * *

Том перестал всхлипывать, его колотило, он звонко стучал зубами и бормотал что-то бессвязное. Друзья недоуменно подтянулись к вздрагивающему телу. Его трясло, а по заросшим бородой щекам все еще стекали редкие капли слез.

– Он всех убил! Всех! Он Джерика убил!..

Хоаххин протянул руку и потряс Тома за плечо.

– Кто убил?

– Этот Алый выродок! Паскуда! Я же говорил Джерику, не наше это дело! Не лезь! Эта сволочь, когда полковника порвал пополам, всех оставшихся наших добил прямо там, в шлюзе...

Том перестал трястись. И, наконец, рассмотрел Хоаххина. От этого ему стало легче.

– Эх, брат ты наш, не успел ты в этот раз! И я не уберег Мыша от смерти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.